

Ирина Градова

Второе РОЖДЕНИЕ

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Второе рождение

«ЭКСМО»

2013

Градова И.

Второе рождение / И. Градова — «Эксмо», 2013 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-63743-0

В больницу, где работает врач Агния Смольская, поступила после тяжелой аварии молодая беременная женщина. Ее обнаружили ночью на проселочной дороге, практически в лесу. Что она делала в глухомани в такое время, находясь в положении? Удивительно, но в этом же лесу, неподалеку от места ДТП, уже обнаружено несколько тел молодых женщин. Все они либо были беременны, либо недавно родили. Следствие ведет хорошо знакомый Агнии по совместной работе в отделе медицинских расследований подполковник Артем Карпухин, и он просит ее о небольшом одолжении. Агния сама ждет второго ребенка, и хотя сейчас ее всячески оберегают близкие и коллеги, она не может остаться в стороне от этого дела, как оказалось смертельно опасного для нее самой...

ISBN 978-5-699-63743-0

© Градова И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Градова

Второе рождение

Пролог

Острые ветки царапали лицо и руки, злые струи дождя хлестали в глаза. И все же она продолжала бежать. Вернее, не бежать, а идти, вперед и вперед, потому что назад оглядываться нельзя. Несколько раз ей казалось, что за спиной раздаются тяжелые шаги, но она не оборачивалась. Быстро передвигаться мешал огромный живот, и единственное, что пугало ее больше, чем быть пойманной, были роды в лесу, да еще в такую отвратительную погоду! Если бы удалось выбраться к шоссе, она была бы спасена: наверняка кто-нибудь из водителей согласился бы доставить ее в ближайшую больницу. Однако проблема в том, что беглянка не знала, в правильном ли направлении движется. Если бы поблизости проходила железная дорога, она пошла бы на звук проходящих поездов, но кроме шума дождя, барабанившего по кронам деревьев, сквозь густоту которых не видно неба, да раскатов грома, время от времени заставляющего сжиматься в комок, ничего не было слышно.

Но вот лес стал редеть. Она ускорила шаг и теперь буквально не чуяла под собой ног. Возможно, она выйдет к населенному пункту, а уж там-то ей обязательно помогут, и этот кошмар закончится!

Фары ударили в лицо неожиданно, ослепив и лишив ориентации. Она попыталась отступить, но поскользнулась и, неловко взмахнув руками в воздухе, рухнула на мокрую дорогу. Последним, что она слышала, был оглушительный визг тормозов, как будто по стеклу проехала циркулярная пила.

* * *

– По календарю индейцев майя, до конца света осталось меньше трех месяцев! – радостно вещала симпатичная девушка с экрана телевизора. – Во всех странах мира идет подготовка к этому знаковому событию...

Я покачала головой и приглушила звук.

Какой бы деятельной и энергичной ни была женщина до беременности, по прошествии нескольких месяцев после зачатия она становится ленивой и медлительной. Но когда я носила Дэна (а мне еще не исполнилось девятнадцати), я бегала повсюду, как юная антилопа, не зная усталости. Так продолжалось до последнего дня беременности, когда Лариска позвонила моим родителям из деканата и радостно сообщила, что меня везут в роддом прямо с лекции по гистологии. Через три часа я уже «отстрелялась». На сорок третьем году жизни, неожиданно-нежданно, я снова «залетела»! Мама была в шоке.

– Боже, это же так опасно! – воскликнула она, глядя на меня, словно я являлась экспонатом в Кунсткамере.

– Аборт еще опаснее, – заметила я.

– А кто говорит об аборте?! – тут же возмутилась мама. – Я же о твоём здоровье беспокоюсь: разве в таком возрасте рожают?

Рожают сейчас в любом возрасте. Хотя, конечно, риски по медицинским показателям значительно возрастают по мере старения организма. Тем не менее, раз уж я умудрилась зачать, придется принять последствия. Теперь я даже нахожу положительные моменты в своем нынешнем состоянии, правда, еще несколько месяцев назад приходила в ужас от перспективы вторично стать матерью. Самое главное, я понятия не имею, *чей* это ребенок! После предательства

первого мужа Славки я думала, что уже никогда не смогу доверять мужчине. Я встретила Олега Шилова, когда совершенно отчаялась что-то изменить в своей беспросветной жизни. Он стал мне опорой, мы поженились, и я решила, что отныне ничто не сможет нарушить нашего безоблачного счастья. Я работала анестезиологом в больнице, которой отдала почти двадцать лет жизни, а Олег заведовал там отделением ортопедии и травматологии. Затем произошло мое знакомство с еще одним человеком, оказавшим огромное влияние на мою судьбу и профессиональную карьеру: я встретила Андрея Лицкявичуса, блестящего челюстно-лицевого хирурга и главу Отдела медицинских расследований, несколько лет назад образованного при губернаторе Санкт-Петербурга. Сама будучи врачом и не понаслышке знающая о врачебных ошибках и прочих проблемах, с которыми приходится сталкиваться пациенту и медику в нашей далеко не совершенной системе здравоохранения, я впервые осознала, как часто больные и врачи оказываются по разные стороны баррикад. Ни для кого не секрет, что в нашей стране много отличных специалистов, делающих свое дело с душой и ответственностью, какую предполагает врачебная профессия. Хватает и тех, кто пренебрегает принципами и печется лишь о наживе. Отдел медицинских расследований, или ОМР, начинает работать там, куда по причине закрытости медицинского сообщества не рискуют влезать полиция и общественные организации. Однажды приняв участие в деятельности ОМР, я впоследствии стала его активным членом, познакомившись с замечательными людьми. Общение с ними заставило меня вновь поверить в то, что в мире существует справедливость. Андрей стал моим боссом, но до недавнего времени мы оставались лишь друзьями и, как смеется он сам, «товарищами по партии». Ни он, ни я не делали попыток к сближению, хотя, как мне кажется, с самой первой минуты нас тянуло друг к другу. Я воспитана в строгости и никогда не позволила бы себе «похода налево», если бы Олег сам не нарушил брачных клятв, вступив в связь с давней приятельницей. Узнав об этом, я перестала сопротивляться влечению к Андрею, и мы стали любовниками. А чуть позже выяснилось, что я беременна¹. Ребенок может быть как от мужа, так и от Андрея, и я не узнаю об этом, пока не рожу и не сделаю анализ ДНК.

Моему сыну Дэну Олег никогда не нравился. Поначалу мне казалось, что дело в ревности, ведь Шилов занял в моей жизни важное место, и сын мог подумать, что его отодвинули на второй план. Тем не менее он любит и уважает Андрея, и мое предположение, таким образом, нельзя считать верным. Скорее всего, проблема в том, что Олег никогда не старался стать для Дэна другом, а у Андрея это вышло как-то само собой. Мама обожает Олега, и я ее понимаю. Шилов – хороший человек, несмотря на некоторые недостатки, но кто, скажите, их не имеет? Мне самой порой кажется, что я состою из одних только недостатков – просто ума не приложу, что Шилов и Лицкявичус во мне нашли! К счастью, даже мама понимает, что именно мне, а не ей, жить с одним из моих мужчин, поэтому старается не слишком напирать. И все же укоризненные взгляды, которые она время от времени на меня бросает, говорят сами за себя. Андрея мама недолюбливает: за время работы в ОМР я несколько раз оказывалась в сложных ситуациях, и ей кажется, что в этом виноват Андрей. Но он человек взрослый и самостоятельный, и мнение моей мамы хоть и принимает в расчет, но не позволяет ему руководить собственными поступками.

Так что теперь у меня три основные проблемы. Во-первых, надвигающиеся роды: не представляю, как я это переживу – и переживу ли вообще! Во-вторых, предстоящее объяснение с Олегом. До сих пор я трусливо скрывалась в квартире у мамы и отказывалась что-либо ему объяснять. Так долго продолжаться не может, и мне придется встретиться с мужем и поговорить по душам. И наконец, последнее: чьего же все-таки ребенка я собираюсь произвести на свет? Если ребенок от Андрея (кстати, он дал понять, что ему все равно, даже если отцом

¹ Читайте об этом в романе И. Градовой «Вскрытие покажет».

является Шилов), то все в порядке. Но что, если я беременна от мужа? Эта мысль не дает мне покоя, и я просыпаюсь по ночам, думая об этом.

Звонок в дверь прервал мои размышления. Я пошла открывать, недоумевая, кто бы это мог быть в такой поздний час. На пороге стояла соседка по лестничной клетке, Люсьена. Лицо ее было встревоженным, а в руках она нервно теребила полотенце, неизвестно зачем прихваченное с собой.

– Агния, извините, что так поздно... – проговорила она, запинаясь. Ее взгляд упал на мой живот, и она почувствовала себя еще более неудобно. – Моя свекровь, Ольга Сергеевна...

– Что, с сердцем плохо? – спросила я. – Вы «Скорую» вызвали?

Соседка бросила на меня странный взгляд.

– Ей и в самом деле плохо с сердцем, – ответила она неуверенно. – Но она отказывается от «Скорой»...

– То есть?

– Видите ли... Агния, вы не могли бы зайти? Ну хоть послушаете ее, пульс там... Может, и ничего страшного, а?

Прихватив стетоскоп и тонометр, я поспешила за Люсьеной. Старушка оказалась не в столь уж тяжелом состоянии, но она, судя по всему, перенервничала, а потому давление здорово подскочило. Дав Ольге Сергеевне капотен, я прошла на кухню за Люсьеной. Меня удивило, что женщина аккуратно прикрыла за нами дверь. Тяжело вздохнув, она опустилась на стул напротив дивана, на котором устроилась я.

– Только вы Антону не рассказывайте, пожалуйста, – она страшно боится, что он узнает!

Антон, мужа Люсьены, я вижу крайне редко и с трудом могу представить себе тему беседы с ним – мы едва здороваемся! Об этом факте я и напомнила Люсьене. Испустив еще один вздох, она сказала:

– Видите ли, тут такое случилось... Даже не знаю, с чего начать! Короче говоря, вчера свекровь ходила в поликлинику...

* * *

– А сегодня утром ей позвонили – якобы из поликлиники, – говорила я, раскладывая по тарелкам еду. Дэн пришел не один, а с Денисом и Шуриком, с которыми в последнее время сблизился. Денис, сын моей покойной подруги, тоже врач – вернее, ординатор, а Шурик – вундеркинд-вирусолог, однажды в прямом смысле слова спасший мне жизнь². Отец Шурика тогда умер, подхватив вирус, против которого он с бригадой ученых пытался найти вакцину, но «эстафету» подхватил его приемный сын. Все парни очень разные. Мой сынуля – мальчик несколько богемного склада, чему в немалой степени способствует род его занятий. Дэн – художник и учится на компьютерного дизайнера, хоть мне и не слишком нравится его перспектива работы в клубах и прочих увеселительных заведениях. Дэн уже сейчас вхож во многие клубы города, поэтому за его карьеру я спокойна – чего не скажу о круге его общения. Однако Денис и Шурик – лучшие, с кем он мог бы подружиться. Денис сильный, прекрасно физически развитый, обожает спорт, в особенности экстремальный. Некоторое время назад мне немало труда стоило оторвать его от боев без правил, где он мог бесславно окончить свои молодые дни. Шурик, погруженный в науку, загадочен, язвителен и умен, и все же он как-то нашел общий язык с Дэном и Денисом. Таким образом, в этот день за моим столом одновременно оказались три симпатичных представителя молодого поколения мужеского пола, и передо мной стояла нелегкая задача их накормить.

² Читайте об этом в романе И. Градовой «Вакцина смерти».

– Так вот, – говорила я, – в поликлинике Ольга Сергеевна сдала анализы, а сегодня утром ей позвонили и сказали, что анализы плохие и что врач скоро подъедет, чтобы провести консультацию.

– Ого! – ухмыльнулся Денис. – Как бодро, оказывается, работают наши поликлиники с пенсионерами – и чего, спрашивается, все жалуются?

– Ну, это же нам с тобой понятно, что так не делается, – возразила я. – А старому человеку, незнакомому с системой? Да и мозг в таком возрасте работает не столь быстро, как у молодых...

– И что дальше? – поторопил меня Дэн. – Врач и в самом деле приехал?

– И десяти минут после звонка не прошло!

– Оперативно, – подал голос Шурик. Я успела заметить, что он немногословен. Это качество, несвойственное молодежи, сильно отличает его от сверстников. Вероятно, такое поведение – следствие детства, проведенного в детском доме: настороженность и постоянное ощущение опасности и соперничества, привитые там, ничем не вытравить.

– Да вы ешьте, ешьте, а то остынет! – сказала я.

Некоторое время в комнате слышался только стук ножей и вилок. Люблю, когда моя стряпня оценена по достоинству, а что может лучше сказать кухарке о ее успехе у едоков, как не пустые тарелки? Пока они ели, я с удовольствием разглядывала ребят. Шурик и Денис светловолосые, но у первого глаза карие, а у второго – светло-серые. Что же касается Дэна, то чувства матери делают меня не вполне объективной, но тем не менее мой сын – красавчик, и этого не отнимешь! Черные волосы, яркие голубые глаза, доставшиеся ему от папаши, правильные черты лица вкупе с высоким ростом и гибким, сильным телом – все это заставляет меня опасаться, что Дэн раньше времени сделает меня бабушкой. Учитывая тот факт, что я готовлюсь стать «молодой мамой», данная перспектива меня не радует! В двадцать лет, по моему мнению, рановато задумываться о детях... С другой стороны, я родила Дэна раньше. За последние четыре года в нашем доме перебивали десятки девушек и даже вполне взрослых женщин, многие из которых мне нравились, но ни с одной из них у Дэна не сложилось серьезных отношений.

– Ну так что с поликлиникой-то? – спросил сын, отвалившись на спинку стула и устремив на меня взгляд сытого кота. – Ты сказала, врач приехал быстро?

– Да не один, а сразу двое! – подтвердила я.

– Двое?! – выкатил глаза Денис.

– А потом начались странные дела, – продолжила я. – Старушка, конечно, сбивчиво рассказывала, да еще и боялась, что сын узнает... Но невестке удалось из нее кое-что вытянуть. Эти самые «врачи», едва войдя в квартиру, сразу блокировали Ольге Сергеевне пути к отступлению: один встал около телефона, а второй втолкнул ее в комнату и принялся заливать о том, что у нее, дескать, очень плохие анализы, и ей срочно нужно приобрести лекарства – буквально, чтобы не помереть на месте!

– И она купилась? – изумился Дэн.

– Купишься тут, – вмешался Шурик, – когда два мужика на тебя «наезжают» и прижимают к стенке!

– Именно! – согласилась я. – Она пробовала сказать, что ей нужно посоветоваться с сыном, но они принялись увещавать ее, говоря, что лекарства подобраны по показаниям лично ее врачом, представляете? Они знали его имя, фамилию и такие подробности, что у бедной старушки не осталось сомнений – деятелей прислал ее лечащий врач!

– Психологическая атака, – констатировал Денис. – Они, вероятно, прочли историю болезни, видели карточку и до мелочей знали все когда-либо поставленные диагнозы!

– Это и ввело ее в заблуждение, а еще, конечно же, их агрессивно-навязчивое поведение: они просто не давали ей вздохнуть!

– И что, баба Оля заплатила? – спросил Дэн изумленно.

– А что ей было делать? – пожалала я плечами. – Они буквально вели ее до платяного шкафа, где она держала свои «гробовые»!

– Но это же самый настоящий грабеж! Почему бы тебе не рассказать об этом Карпухину?

– Думаешь, я не рассказала? Да только бесполезно все!

– Почему? – удивился Денис. – Это, конечно, не дело ОМР, но майор...

– Подполковник, – поправила я. – Он – уже *подполковник* Карпухин, а не майор – привкай!

Артема Ивановича Карпухина назначили куратором ОМР. За годы совместной работы мы подружились, а недавно за раскрытие одного из совместных дел плюс за былые заслуги его произвели в подполковники. Мы праздновали это событие на даче у Андрея: Карпухину за пятьдесят, и до сих пор начальству удавалось игнорировать его профессиональные успехи. К счастью, наконец, награда нашла героя!

– Так почему он не берется? – снова спросил Денис. – Он, конечно, больше по «убою» работает, но мог бы двинуть дело по цепочке, куда положено...

– Карпухин говорит, что дело бесперспективное, – вздохнула я. – Во-первых, вымогательство под большим вопросом: старушка добровольно отдала деньги...

– Добровольно?! – перебил Шурик. – Ничего себе!

– Мама имеет в виду, что ее не били и не пытали, – пояснил Дэн.

– Точно, – кивнула я. – Во-вторых, они же предоставили ей «товар», а не просто скрылись с «гробовыми»!

– И что же такое они предоставили? – поинтересовался Денис.

– Набор биодобавок: пять здоровенных коробок с травами и таблетками растительного происхождения. Люсьена их показала, и я ничего криминального на этикетках не заметила.

– Другой вопрос, что баба Оля этих «лекарств» не просила! – хмыкнул Дэн.

– Более того, – добавил Денис, – нужны ли они ей, да и можно ли их принимать с ее диагнозами?

– Вы правы, – согласилась я. – И это даже не упоминая о цене: любая биодобавка в аптеке не может стоить больше тысячи рублей, а Ольга Сергеевна отвалила сорок тысяч!

– Ого! – воскликнул Дэн. – И Карпухин говорит, что дело *бесперспективное*?!

– К сожалению, доказать мошенничество сложно, – пояснила я. – Слово Ольги Сергеевны против слова этих парней... Кстати, для начала их еще надо найти!

– Наверняка они имеют какое-то отношение к поликлинике, – возразил Денис. – Человек со стороны просто не сумеет найти способ узнать о пациентах. Кроме того, они упомянули имя лечащего врача, так? Надо бы с ним побеседовать.

– Понимаешь, – задумчиво произнесла я, – даже в том случае, если врач подтвердит, что он никому не звонил, и скажет, что понятия не имеет о том, что произошло с Ольгой Сергеевной, это ничего не доказывает. Если мошенников поймают, они могут сказать, что пенсионерка сама их нашла – например, прочла объявление в газете и вызвала на дом. Для того чтобы торговать биодобавками, необязательно иметь медицинский диплом, и они представятся курьерами некой фирмы, пешками, которым не известно ничего, кроме стоимости «пакета услуг».

– Пакета *навязанных* услуг! – заметил Денис.

Мы замолчали. Обидно, но, похоже, Ольга Сергеевна останется без денег, и не она одна: кто может сказать, сколько подобных махинаций проворачивает данная «фирма» каждый день?

* * *

После первой операции я направилась в буфет, мечтая чего-нибудь поесть. В последнее время, благодаря моему состоянию, у меня зверский аппетит, причем бороться с ним беспо-

лезно – пока не поем, не могу ни работать, ни думать о чем-то, кроме пищи. Идя по коридору первого этажа, я заметила вынырнувшую из-за угла знакомую фигуру.

– Артем Иванович?

– Агния Кирилловна! – радостно отозвался подполковник, притормаживая и разглядывая меня, остановив взгляд пониже груди. – Растет, а?

– Куда она денется?

– Значит, девочка будет?

– Второго пацана я бы просто не пережила – в моем-то возрасте!

– Да какие ваши годы, Агния! – возмутился Карпухин. – Еще парочку деток родить успеете!

– Вот уж нет, Артем Иванович, спасибо: мне бы с этой беременностью справиться! А вы, кстати, что тут делаете?

– Тут моя клиентка лежит.

– Что за «клиентка»?

– Потерпевшая.

– На каком отделении?

– У вас, в реанимации.

– Когда доставили?

– Вчера вечером. Ее машина сбила.

– А при чем тут вы? – удивилась я.

– Видите ли, Агния, тут такое дело... Девчушка беременной оказалась.

– Бедняга! – воскликнула я, не отдавая себе отчета, прикоснувшись к собственному животу. – И что?

– Плохо все: пришлось делать кесарево, чтобы спасти мать, но она впала в кому, и неизвестно, выкарабкается ли.

– А ребенок?

Карпухин только рукой махнул. Я внутренне содрогнулась.

– И все-таки – почему вы?

– Обстоятельства, при которых девушка угодила под колеса, весьма странные. Водитель, судя по всему, не виноват. Кстати, он сам доставил ее в больницу и дождался приезда полиции. Была ночь, сильная гроза, а она выскочила на дорогу прямо перед машиной, как будто за ней черти гнались!

– Как она оказалась одна в лесу в такую погоду?! – удивилась я.

– Сама она ничего не расскажет... Пока. А дело мне передали, потому что эта девочка – не первая.

– В смысле?

– В том смысле, что недавно в том же районе грибники нашли тело молодой женщины, и вскрытие показало, что она на седьмом месяце.

– От чего она умерла?

– От сильного удара по голове.

– Господи, боже мой!

– Район не мой, но начальство решило, что пора отработать повышение.

– Но почему?

– Личная просьба генерала Илюхина, моего непосредственного начальника.

– С чего бы?

– Кажется, убитая приходилась родственницей кому-то из его близких друзей.

– А если бы она не была его родственницей, то делом занимались бы местные полицейские? – уточнила я.

– Как-то так, – неохотно ответил подполковник.

– Значит, вы полагаете, что то преступление может быть связано с этим несчастным случаем?

– Места уж больно близко расположены... Надо будет пошукать там – авось, что-то и нарисуетса! Могу я вас кое о чем попросить, Агния?

– Чем вам помочь?

– Держите меня в курсе насчет состояния пациентки. Как только она придет в себя... Если она придет в себя, сообщите незамедлительно, лады?

– Лады, Артем Иванович.

За весь день у меня не выдалось ни одной свободной минутки, чтобы навестить неизвестную в палате реанимации, но когда операции закончились, я заскочила поговорить с дежурным врачом.

– Никаких изменений в состоянии, – вздохнула та. – Бедная девочка – и как ее угораздило... А вы-то почему интересуетесь?

– Да так, – пожалала я плечами. – При странных обстоятельствах она сюда попала, верно?

– Уверены, что в вашем визите нет ничего личного?

– То есть?

Врач скосила глаза на мой выпирающий живот.

– А-а, вы об этом...

– Когда в декрет-то?

– Еще не скоро!

– Время летит быстро, – покачала она головой и отошла.

Я немного постояла у койки пациентки. Она была очень молодой, не старше двадцати. Что заставило ее выскочить перед машиной на трассу? Что она делала в лесу в грозу? Может, сбежала от мужа или любовника?

Выйдя на улицу, я подставила разгоряченное лицо под порывы ветра, еще теплого, но уже не летнего. Погода стояла на удивление хорошая, но это ненадолго: Питер редко радует своих жителей устойчивым климатом, и приятных сюрпризов ожидать не приходится.

– Агния! – услышала я знакомый голос и вздрогнула: я оказалась совершенно не готова к встрече с Олегом. Но, что ни говори, я должна с ним объясниться, так пусть уж лучше сейчас, чем еще полгода собираться с духом.

Поэтому я развернулась на голос и изобразила на лице подобие улыбки. Думаю, она выглядела жалкой. Олег стоял возле своей машины (недавно он сменил любимую мной «Октавию», с которой связано множество воспоминаний, на «Мерседес» последней модели). Положение главы филиала обязывало, и старенькая «Шкода» не удовлетворяла требованиям новой должности.

Так как я не двигалась, Олег подошел сам.

– Можем мы, наконец, поговорить как цивилизованные люди? – спросил он звенящим от напряжения голосом.

– Можем, – согласилась я, и он отступил на шаг назад, удивленный тем, что ему не приходится меня уговаривать.

– Тогда... Может, заедем куда-нибудь?

Через пятнадцать минут мы сидели в ресторане «Есенин». Здание гигантского многоквартирного дома, на первом этаже которого располагалось заведение, построили давно, но ресторан долго не открывали – видимо, у хозяев возникли финансовые проблемы. Тем не менее, несколько месяцев назад «Есенин» все же распахнул свои двери посетителям, хотя размер помещения значительно сократился. В нашем «спальном» районе ресторан стал, пожалуй, единственным местом, где можно пообедать или поужинать в комфортной обстановке, а по вечерам здесь даже играет «живая» музыка. К сожалению, для музыки было еще рановато, поэтому пришлось довольствоваться тишиной и покоем, а также неплохой кухней. Олегу мест-

ные изыски были до лампочки – он едва взглянул на меню, в то время как я изучила его во всех подробностях.

– Ну, ты объяснишь мне, что происходит? – раздраженно спросил Шилов, как только официантка, приняв заказ, отошла от столика.

– А что, непонятно? – ответила я вопросом на вопрос. – Ты и сам видишь, что наши отношения себя изжили. Мы пытались начать все сначала, но ничего не вышло: зачем обманывать себя?

– И это ты – *ты* говоришь об обмане?! – взвился он. – Ты сейчас живешь с Андреем, да?

– Олег, – стараясь казаться спокойной, сказала я, – это не твое дело. Я же не спрашиваю, живешь ли ты со своей бабой, или вы только встречаетесь, когда она наездами бывает в Питере!

– Ч-ч-ч-то?

Вопрос не требовал ответа, поэтому я промолчала.

– И... как давно? – проговорил он с запинкой.

– Что – как давно?

– Как давно ты знаешь?

– С полгода уже.

– И молчала?!
Шилов выглядел потрясенным.

– Ты пытался все наладить, и я это ценила, – пожала я плечами. – Думала, может, и в самом деле «рассосется»...

– Но я действительно пытался! Господи, Агния, ну почему ты не рассказала мне?! Это могло бы все изменить.

– Каким образом? – удивилась я. – Ты нашел другую женщину, и изменить это невозможно!

– Это произошло только потому, что ты стала гораздо больше времени проводить со своими ОМРовцами, чем с родным мужем!

– Ну правильно, Шилов: лучшая защита – нападение! – разозлилась я. – Давай обвини еще меня в том, что тебе стало скучно и тоскливо, поэтому, когда подвернулась твоя старая «А» (уж прости, не знаю ее полного имени), ты тут же прыгнул к ней в койку!

Я действительно не знала, как зовут соперницу: в его телефонной книжке она значилась под литерой «А». Олег молчал, с преувеличенным вниманием рассматривая салфетку.

– Знаешь, – сказал он наконец, – что бы ты ни думала, все равно ошибаешься: то, что существует между мной и Анной, не то, что было между тобой и мной.

– Понимаю, – кивнула я. – *Это* всегда происходит по-разному.

– Ты опять иронизируешь! – воскликнул он, но вынужден был сделать паузу, так как к столику вновь приблизилась официантка. Пока она расставляла еду на столе, мы молчали.

– Каждый раз, когда я пытаюсь с тобой серьезно поговорить, – продолжил Олег, как только девушка удалилась, – ты обращаешь все в шутку!

Вот здесь он прав: отношения между мужчиной и женщиной – не та тема, о которой стоит говорить. Всякая психологическая чушь насчет того, что отношения нужно «выстраивать», «работать над ними», «учиться сосуществовать», кажется мне профанацией, выдуманной психологами для выкачивания денег у населения. Если в определенный момент отношений паре требуется специалист для разрешения конфликтов, по мне, это означает, что семье конец!

– Ты к *нему* уходишь? – неожиданно спросил Олег.

– Если ты имеешь в виду Андрея, то да: мы решили быть вместе.

– И когда же вы это *решили*?

– Когда я была в тайге³. До этого времени я считала, что все можно вернуть. Просто для твоего сведения: я не изменяла тебе до тех пор, пока не узнала о твоих походах «налево». Там, на заставе под Хабаровском, у меня было время поразмышлять, а твоя реакция на мою беременность...

– Ты же не дала мне обдумать ситуацию! – воскликнул Олег. – Ну почему вы, женщины, всегда все усложняете?

– Это я все усложняю?! Ты должен был обрадоваться, узнав о том, что я жду ребенка...

– Обрадоваться, зная, что ты гуляла от меня?! – перебил он. – Конечно, я не был полностью уверен, но, уж извини, не догадаться о ваших с Лицкявичусом отношениях мог только слепой дебил!

Олег и в самом деле мог сделать выводы о том, что нас с Андреем уже некоторое время связывает не только работа. Однако, сам имея рыльце в пушку, он мог бы и более толерантно отнестись к происходящему. Тем более что я перед отъездом на заставу по делу ОМР честно решила для себя порвать с Андреем и остаться с мужем!

– Взаимные обвинения ни к чему не приведут, – сказала я, решив смягчить тон нашей беседы. – Мы оба виноваты и, вполне вероятно, сделали недостаточно для того, чтобы наш брак не распался. Теперь в дело замешаны еще два человека – твоя Анна и Андрей, и с ними необходимо считаться.

– Аня... Анна не претендует на замужество, – заметил Олег.

– Так она замужем? – осенило меня.

– Это не имеет значения!

– Нет, Шилов, имеет! Это значит, что ты устраивал бы себе уик-энды, этикие каникулы, свободные от семейных обязательств, а потом с чистой совестью возвращался бы в лоно семьи – какое лицемерие!

– А не лицемерие навязывать мне чужого ребенка? – парировал он.

– Навязывать?! У меня и в мыслях не было кого-то тебе навязывать, но я думала... Знаешь, я считала, что, потеряв дочь, ты обрадуешься известию о ребенке!

Маленькая дочь Олега от первого брака утонула в аквапарке по недосмотру его бывшей жены. Я знала, что он мечтал о детях, и у меня были основания надеяться на его положительную реакцию.

– У меня тоже было время все обдумать, – уже спокойнее произнес Олег. – И я решил, что хочу этого ребенка – от кого бы он ни оказался. Если он от... твоего любовника, я выращу его, как собственного, и он никогда ни о чем не узнает.

– Поздно, Шилов, – покачала я головой. – Потому что сейчас речь не только о тебе и обо мне, а еще и об Андрее. Ему тоже неважно, чей это ребенок, и я... Я поняла, наконец, что люблю его – по-настоящему!

– А меня? Меня ты, что же, не по-настоящему любила?

– Также по-настоящему, – вздохнула я. – Даже не знаю, когда все пошло наперекосяк... Но теперь это неважно.

– Ты уже и на развод, небось, подала? – презрительно поджав губы, спросил Олег.

– Как я могла сделать это, не поговорив с тобой?

– А если бы я сегодня не подкараулил тебя, как долго ты еще бегала бы от меня?

– Не знаю. Но я рада, что мы все-таки встретились.

– Не радуйся слишком сильно, Агния, – неожиданно жестко проговорил Олег. – Если ты говоришь, что все решила – бог с тобой. Но ты – не единственная, кто имеет право голоса.

– Ты о чем? – удивилась я. – Слава богу, у нас тут не Арабские Эмираты и не Иордания, чтобы мне требовалось твое согласие на развод!

³ Читайте об этом в романе И. Градовой «Вскрытие покажет».

– Речь не о моем согласии, а о твоём ребенке, – холодно пояснил Шилов. – Как только он родится, я через суд затребую анализ ДНК – я имею на это право, так как ты забеременела в период брака.

– Но я и сама собиралась сделать тест! – пожала я плечами. – Если ребенок твой и ты захочешь с ним видаться, я не стану возражать. Андрей, уверена, тоже.

– Да плевать мне на ваши возражения! – прошипел Олег, и я отпрянула, впервые видя мужа в такой ярости. – Если окажется, что отец – я, я отсужу у тебя право опеки!

– Что-о?! Да с какого перепугу суд отдаст тебе ребенка?!

– У меня есть связи, и я напрягу их все, чтобы добиться справедливости!

– Спра... ведливости?!

Но Шилов уже сорвал с вешалки плащ и устремился к выходу. Я потрясенно уставилась в свою тарелку с остывающим на ней бифштексом. То, что сказал мой муж, невозможно было осознать: он намеревался отобрать у меня мою еще не родившуюся дочь! Будь я представительницей маргинальных слоев населения, выпивохой или наркоманкой, он мог бы попытаться, и суд, скорее всего, оказался бы на его стороне. Но я-то – врач, с приличным жильем, вполне могущий обеспечить младенцу прекрасные условия жизни... Нет, у Шилова ничего не выйдет!

И все же где-то глубоко внутри маленький, но назойливый червячок сомнения уже поднял свою голову. Что-то в тоне Олега насторожило меня и заставило почувствовать, что он основательно подготовился к нашей встрече. И как это получается, что, какими бы идеальными ни были отношения в браке, во время разрыва люди становятся врагами? Я считала, что могу рассчитывать на цивилизованный развод. Мне не нужны деньги Олега, его квартира и дом, и я даже готова вернуть его подарки, просто чтобы не считать себя должной. И я уж никак не ожидала, что камнем преткновения станет ребенок. Но ты, Шилов, не на ту наравлся: может, двадцать лет назад я и испугалась бы такого напора, но не теперь. Если ты так ставишь вопрос, то моя дочь, чьей бы она в результате ни оказалась, никогда не узнает об обстоятельствах своего зачатия, и ты, Шилов, навсегда останешься для нее чужим дядей!

* * *

– Ну, он там? – спросил Шурик, как только Дэн вывернул из-за угла.

– Куда ж он денется? – ухмыльнулся тот, сверкая синими глазами. – Там, родимый!

– Ну и что вы намерены делать? – поинтересовался Денис, переводя взгляд с одного приятеля на другого. Найти тех, кто нагрел пожилую соседку Дэна на крупную сумму денег, оказалось несложно – во всяком случае, одного из них. Ребята сразу предположили, что мошенники работают в поликлинике, так как они слишком много знали о пациентке. Даже если они сами не являлись медиками, то непременно поддерживали связь с кем-то, кто «сливал» им сведения о больных, поэтому парни начали с того, что с пристрастием опросили Ольгу Сергеевну, заставив ее вспомнить и в подробностях описать, как выглядели те двое, что ее облапошили. Несмотря на то что старушка в тот момент находилась в состоянии стресса, оказалось, что она запомнила их. Она сообщила, что один из «врачей», навестивших ее на дому, молодой высокого роста блондин в очках. Приметы второго Ольга Сергеевна описать затруднилась, но сказала, что он немного заикался. На следующий день Денис отправился в поликлинику. Он не стал долго бродить по коридорам, заглядывая в кабинеты, а подошел к регистратуре и выбрал самую симпатичную девушку. Представившись родственником пациента, он сказал, что его дед забыл фамилию врача, которого ему рекомендовали для постановки капельниц на дому, но смог описать его. Честно говоря, Денис не ожидал, что все окажется так легко. Девушка поначалу задумалась, не припоминая никого с такими приметами, но потом догадалась, что «дедушка» Дениса, наверное, имел в виду ординатора, подрабатывающего на приемах у терапевта. Звали его Тимуром Семагиным, и он в точности соответствовал описанию Ольги Сер-

геевны. Для того чтобы удостовериться, Денис целый час просидел в коридоре, выжидая, когда же парень выйдет из кабинета. Он, конечно, мог бы зайти под каким-нибудь предлогом, но не желал без нужды привлекать к себе внимание. Его терпение было вознаграждено. Семагин появился, и Денис окончательно убедился в том, что ординатор – тот, кто им нужен, после чего с чистой совестью покинул поликлинику. И вот теперь они все трое вновь собрались, чтобы осуществить свой план, но у Дениса не было уверенности, что стоит вмешиваться.

– Вы точно хотите это сделать? – спросил он у ребят.

– Здравс-сте! – развел руками Шурик. – А зачем же мы тратили время?

У Дениса было нехорошее предчувствие.

– Нам все равно не удастся положить этому конец, – заметил он в последней попытке отговорить друзей. – Не можем же мы повсюду за ними ходить и пресекать...

– Мы не ставим глобальных целей, – перебил Дэн. – Попытаемся хотя бы вернуть деньги бабе Оле и, если получится, избавить от проблем один отдельно взятый участок!

– Это как построить коммунизм в отдельно взятой стране, – вздохнул Денис, сдаваясь с тяжелым сердцем. – Ладно, пошли!

Вчера Шурик проследил за Семагиным. Он видел, как тот, встретившись с полным чернявым парнем, отправился по какому-то адресу, после чего оба вышли из дома довольные. Это могло означать, что парни обобрали очередного пенсионера. Не было никакой уверенности, что сегодня они совершат новую вылазку, но попробовать стоило – тем более что у Дэна, Дениса и Шурика, в кои-то веки, одновременно образовалось несколько свободных часов!

Через сорок минут ожидание в засаде себя оправдало: Семагин вышел из поликлиники и, насвистывая, направился в сторону стоянки.

– У этого гада машина есть! – сквозь зубы пробормотал Дэн.

– Не сомневайся, – кивнул Шурик, – тачка что надо!

Действительно, ординатор вскоре выехал на новеньком «Ниссане» стального цвета.

– Хорошо, что и мы на машине! – заметил Денис, садясь за руль.

Минут через семь преследуемая ребятами машина припарковалась у блочной девятиэтажки.

– Как они узнают, что старики дома одни? – недоуменно поинтересовался у приятелей Дэн. – Можно же на кого-то из родичей нарваться!

– Понятия не имею! – ответил Денис, напряженно наблюдая за тем, как Семагин с приятелем выбираются из автомобиля и идут к подъезду.

– Они предварительно звонят, так? – сказал Шурик. – Может...

– Давайте-ка шевелитесь, – прервал его Денис, распахивая дверцу, – а то профукаем преступление!

Уже на бегу к входной двери Дэн задал вопрос:

– А если они сейчас не «работают»? Вдруг просто к кому-то в гости?..

– Там видно будет, – бросил через плечо Шурик.

Лифт, как показало табло, поднялся на третий этаж. Ребята взбежали по лестнице.

– Шустрые, однако! – пробормотал Денис, озираясь по сторонам. Площадка была пуста: очевидно, мошенники уже вошли. – Ну, и куда нам?

– Сейчас поглядим, – сказал Шурик. – Вернее, послушаем...

Он медленно прошелся мимо всех дверей.

– Похоже, здесь они! – громким шепотом произнес он, обращаясь к друзьям, стоя у двери под номером «19».

– Я ничего не слышу, – отозвался Дэн.

– Это потому, что ты глуховат! – осклабился Шурик.

– Но я тоже... – начал было Денис, однако Шурик остановил его сердитым жестом и, вплотную приблизившись к двери, опустил на колени, приложив ухо к замочной скважине.

– Точно, они, – пробормотал он. – Слышно плохо, но разговаривают трое – три мужских голоса!

Время тянулось невероятно медленно. Денис то и дело поглядывал на часы – прошло уже больше двадцати минут: видимо, «клиент» оказался не так прост, как соседка Дэна, и не повел мошенников напрямик к месту, где у него припрятаны денежки на черный день. Что ж, выхода у него все равно нет: если в доме имеются хоть какие-то финансы, Семагин с дружкой непременно их изымут, это уж как пить дать!

– Пора! – внезапно вскочив на ноги, прошептал Шурик. – Блокируйте лифт и лестницу!

Когда дверь распахнулась, и на пороге показались Семагин с партнером, Денис без малейшего предупреждения выбросил кулак вперед. Он вошел в мягкий и дряблый, несмотря на молодой возраст, живот второго парня, как нож в масло, заставив того согнуться пополам. Семагин же, сообразив, что к чему, намеревался заскочить обратно в квартиру, захлопнув за собой дверь, но Дэн оказался проворнее и влетел внутрь вместе с ордinatorом.

– Господи, да что тут делается-то?! – раздался крик хозяина квартиры на заднем плане, и Денис, волоча за шкуру охающего толстяка, ворвался в квартиру. Следом ввалился Шурик и запер за собой дверь.

– Я сейчас полицию вызову! – заверещал старик, но Денис сказал:

– Спокойно, папаша: мы из полиции!

– Из полиции? – недоверчиво глядя на него, переспросил дед, водружая очки, висящие на цепочке, на крупный мясистый нос. – И документики можете предъявить?

– А вы подозрительный! – хмыкнул Шурик. – Что ж у этих двоих документами не поинтересовались?

– Так они ж врачи! – развел руками хозяин. – Вон, в халатах же...

– А если бы мы тоже в халатах пришли? – задал вопрос Дэн, легонько пиная лежащего на полу «врача» носком ботинка. Денис крепко держал Семагина, и тот перестал вырываться, сочтя за лучшее не сопротивляться грубой силе.

– Ага! – хохотнул Шурик. – Целый, понимаешь, *консилиум* понаехал!

– Они врачи! – упрямо сказал дед, уперев руки в бока. – Если не верите – вон, на столе лежат лекарства, которые они привезли из поликлиники!

– И сколько взяли за доставку? – поинтересовался Дэн.

– Не ваше дело, молодой человек! – пробубнил старик, потянувшись к телефонной трубке.

– Не будем вмешивать полицию, ладно? – аккуратно перехватив его руку, предложил Шурик. – У них и так забот хватает – надо же кому-то гастарбайтеров трясти, верно? Ну-ка, пошли, отец, поглядим, что вам за «лекарства» такие притащили!

Нехотя, но дед все же позволил им войти в комнату. Она оказалась завалена разнообразным хламом: судя по всему, хозяин жил один и привык к беспорядку. Тем не менее, некоторые следы «былой роскоши» обнаружить удалось. На стене висели часы с боем и пара картин – подлинники начала двадцатого века, как определил Дэн.

– Хорошая живопись, – одобительно заметил он.

– А вы что, молодой человек, в этом разбираетесь?

Глаза старика потеплели, но с лица еще не исчезло выражение настороженности.

– Имею представление, – уклончиво ответил Дэн.

– Так-так, что тут у нас...

Подойдя к столу, заставленному большими пластиковыми банками и коробками, Шурик принялся разглядывать этикетки.

– Расторопша... аж три штуки! А это что? Льняное семя... Сенна александрийская... Дедушка, простите – запорами страдаете?

– Наоборот, – буркнул хозяин квартиры. – А что?

– А то, что от этой самой санны вы с унитаза не встанете пару суток! – ухмыльнулся Шурик, изо всех сил пытаясь отогнать от себя живо нарисованную воображением картинку того, что могло приключиться с несчастным пенсионером, не подоспей они вовремя.

– Короче, всякое барахло! – попытожил он, обращаясь к друзьям.

– Слушайте, а в чем дело? – не выдержал старик. – Лекарства паленые, что ли?

– Сколько они с вас требовали денег?

– Тридцать пять тысяч... Сначала сказали, что весь набор стоит пятьдесят, но у меня больше не было!

– На самом деле, уважаемый, – вздохнул Шурик, – вот весь этот ваш «курс лечения» (непонятно, кстати, от каких таких болезней) стоит, от силы, пятьсот рублей.

– Пятьсот?! – разинул беззубый рот хозяин квартиры. – Но это же... Грабеж среди бела дня!

– Понял, наконец! – удовлетворенно кивнул Денис. – А ну, Семагин, верни деду добычу!

Перепуганный тем, что незнакомцам известна его фамилия, ординатор дрожащей рукой полез во внутренний карман и извлек оттуда бумажник. Он попытался было сам отсчитать требуемую сумму, но Денис вырвал кошелек у него из рук и, выпотрошив, протянул пенсионеру. Тот дотошно пересчитал купюры.

– Здесь гораздо больше, чем они взяли! – заметил он.

– Кого еще обчистили, признавайтесь! – ткнул Семагина в спину Денис.

– Никого мы не чистили! – подал голос с пола второй мошенник. – Это наши деньги...

– Нет, душа моя, теперь – не ваши, – возразил Денис. – Бери, отец: это тебе компенсация за беспокойство!

– Да как же... – попытался спорить дед, но ребята уже выходили из квартиры.

Спускаясь по лестнице, таща за собой Семагина с партнером, они услышали брошенное им дедом вслед:

– А еще говорят, полиция у нас плохо работает!

– Что вы собираетесь с нами делать? – проныл Семагин, когда все пятеро оказались на улице.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Дэн. – Пока. Но учтите: мы знаем, где вы работаете, знаем ваши адреса – попробуете возобновить свой маленький «бизнес», и тут же появимся мы!

– И тогда, – добавил Шурик, – вы уже не отделаетесь простым предупреждением!

– Черта с два вы из ментовки! – прошипел подельник Семагина. – Только вот не пойму, зачем вам все это надо? От кого вы вообще?

– Про Робина Гуда слыхал? – спросил Денис. – Ну вот, мы от него: отбираем у жулья и раздаем народу!

– Пошли вон оба! – рявкнул Шурик, пнув Семагина в зад. Второй парень в приглашении не нуждался и уже бежал к машине.

– Может, зря мы их отпустили? – с сомнением пробормотал Дэн, глядя вслед мошенникам.

– А что ты предлагаешь? – пожал плечами Шурик. – Доставить их в полицию? Да нас же самих и повяжут за такую «самодеятельность»: еще окажется, что мы этих гавриков ограбили! Нет уж, пусть катятся!

– Это ты здорово придумал, Дэн, про то, что мы знаем, как их найти! – усмехнулся Денис.

– Ну, Семагина-то точно найдем... А как с бабой Олей быть? – поинтересовался Дэн. – Ее-то деньги так и пропали!

– Ничего не пропали, – покачал головой Шурик. Он полез за пазуху и извлек оттуда несколько пятитысячных купюр. – Я часть у деда экспроприировал – куда ему такое богатство? У соседки вроде сорок тонн взяли?

– Точно! – кивнул Дэн. – Вот она обрадуется!

* * *

Следующим утром я первым делом навестила неизвестную в реанимации. Изменений в ее состоянии не намечалось, но я все равно позвонила Карпухину.

– А вам ничего выяснить не удалось? – поинтересовалась я, сообщив ему неутешительные новости.

– Мои ребята истоптали кучу женских консультаций, показывая фото потерпевшей врачам, но, сами понимаете, – это все равно что искать иголку в стоге сена! Может, она вообще не питерская и даже не из области... Но я хочу еще одну штуку попробовать.

– Какую?

– Есть у меня один полезный человечек на местном телеканале.

– Отличная мысль! – одобрила я. – Вполне вероятно, кто-то из родственников ее узнает!

– Только на это и надежда: похоже, иначе нам правду о ней не выяснить.

Вечером кто-то позвонил в дверь. Моя черная терьерша Куся и трехлапый пес Юбер тут же кинулись на звук. Открыв, я увидела на пороге Андрея.

– Агния... – начал он и осекся, увидев вышедшую в коридор маму.

– Ну, – сказала мама, – чего молчишь, дочь? Проводи гостя в дом!

С этими словами она вернулась в свою комнату, а мы с Андреем с облегчением вздохнули. К счастью, мама не любительница сцен, но ее неожиданная мягкость в отношении моего любовника потрясла нас обоих. Потрепав собак по загривку, Андрей прошел в гостиную.

– Кофе? – спросила я.

– погоди ты с кофе! – отмахнулся он. – Лучше скажи, у тебя все в порядке?

Андрей выглядел встревоженным.

– Почему ты спрашиваешь?

– Шилов приходил.

– Шилов?!

Я испытала настоящее потрясение. Олег и Лицкявичус всегда друг друга избегали – причиной тому была обыкновенная ревность, причем не только в отношении меня. Мужчины похожи на петухов: стоит нескольким из них оказаться в одном помещении, и они тут же начинают меряться всем, чем только можно. Вот, к примеру, Шилов – известный ортопед, главврач первоклассной клиники, а Андрей – не менее известный челюстно-лицевой хирург, к которому стоит очередь на годы вперед, писатель и герой нескольких войн: чем не причина поиграть мускулами, оспаривая первенство? К счастью, оба они – люди цивилизованные, а потому намеренно старались не сталкиваться. И все же жизнь пару раз сводила их вместе. Во-первых, отец Олега, московское «светило» нейрохирургии, делал Андрею операцию по извлечению из черепа осколка, оставшегося со времен военных действий в Осетии. Затем, когда Шилова взяли в заложники вместе с бригадой, именно Андрей помог их вызволить⁴. В целом же и тот, и другой предпочитали держаться друг от друга на расстоянии. Тем более странно, что Шилов решился встретиться с Андреем один на один.

– И о чем же вы... беседовали? – спросила я, справившись с шоком.

– О ситуации на Ближнем Востоке! – фыркнул Андрей. – Разумеется, о тебе, Агния!

– Ну, это и ежу понятно: конкретнее можно?

– Твой муж дал мне понять, что сделает все, чтобы тебя вернуть.

– Вернуть?! Андрей, это невозможно!

– Точно?

⁴ Читайте об этом в романе И. Градовой «Забывтая клятва Гиппократы».

На его лице все еще читалась неуверенность.

– Абсолютно точно! – заверила я. – После того, *как* мы с Шиловым расстались, я уже не смогу думать о нем хорошо.

– Что значит – «*как* вы расстались»? – насторожился Андрей.

– А что он сказал тебе? – вместо ответа поинтересовалась я.

– Что намерен бороться за тебя. Похоже, твой муж считает, что наши отношения – твоя очередная блажь и что со временем все рассосется.

– Очередная *блажь*?

Вот это уже, черт подери, обидно: как будто я какая-то взбалмошная девчонка лет девятнадцати, а не взрослая женщина, способная принимать взвешенные решения!

– Кроме того, – продолжал Андрей, не обращая внимания на мое раздражение, – Олег, кажется, уверен, что ребенок от него.

– Ну, разумеется, ему хочется верить: Шилов всегда мечтал иметь детей, хотя я и намекала ему, что не собираюсь становиться матерью повторно, – честно говоря, мне все эти годы вполне хватало проблем с Дэном!

– И тебе совсем его не жалко? – спросил Андрей. Мне почудилось, что в его тоне звучит осуждение.

– Не знаю, Андрей, что он сказал тебе, но вот мне он ясно дал понять, что его интересует только будущий ребенок. Шилов уверил меня, что не оставит нас в покое, и знаешь, что еще? Он пообещал, что, если тест ДНК окажется в его пользу, он отсудит у меня ребенка!

– Что-о?! – не поверил Андрей.

– Что слышал! И как, по-твоему, это увязать с его неземной любовью?

Андрей подошел к окну. Там, встав в свою излюбленную позу – с руками, скрещенными за спиной, – он задумчиво произнес:

– Возможно, ты не поймешь, но я-то могу.

– Что ты можешь? – не поняла я.

Он не сразу ответил, глядя вниз, на огни города и проезжающие мимо машины.

– Когда ты меня бросила, – начал, наконец, Андрей, – у меня тоже было желание тебя вернуть – любыми способами... Но потом я понял, что бесполезно принуждать к чему-то женщину, которую любишь: эти усилия не вызовут у нее ничего, кроме отвращения. Поэтому я отступил.

Слушая Андрея, я затаила дыхание. Он никогда не говорил о том, какие чувства испытывал из-за нашего разрыва, и потому я полагала, что он перенес его безболезненно. Как мы порой ошибаемся, приписывая другим людям те же эмоции и черты характера, что присущи нам самим! Наверное, каждый человек способен ощущать боль потери и испытывать муки, но далеко не все реагируют на переживания одинаково. Кто-то их не скрывает, нуждаясь в жалости и сочувствии, а кто-то, напротив, замыкается и никому не позволяет лезть себе в душу.

– А если бы я не вернулась? – осторожно спросила я.

– Не знаю, – вздохнул он. – Может, я оставил бы все, как есть. Но, возможно, попытался бы что-то предпринять – как Шилов.

– Неужели он думает, что его попытки отсудить у меня ребенка поспособствуют восстановлению наших отношений?

– В безнадежной ситуации любые методы хороши, – пожал плечами Андрей.

– Но у Олега есть любовница! – воскликнула я.

– Я об этом помню, Агния. Та женщина, насколько я понимаю, появилась у него после того, как вы с ним стали отдаляться друг от друга. Скорее всего, она просто заместила в его жизни тебя, но не думаю, что он искал постоянную замену.

– Может, ты и прав, – согласилась я скрепя сердце. – Но это не значит, что я отдам ему ребенка!

– Разумеется, нет! Это исключено, и Олегу придется принять правила игры: если он захочет видиться – добро пожаловать, но... Кстати, мы разговариваем так, словно уже известен результат теста. Вдруг нам повезет, и девочка моя?

Господи, как же я на это надеялась! Не то чтобы мысль об участии в зачатии Шилова была мне невыносима, но отрицательный результат теста на отцовство решил бы все проблемы разом. А теперь придется помучиться, дожидаясь рождения младенца, и мне некого в этом винить, кроме самой себя!

– Как долго ты намереваешься жить у матери? – спросил Андрей, пристально глядя на меня.

– Понимаешь, мне тут удобнее, – неопределенно ответила я, избегая его взгляда. – Все-таки мама, сынуля...

– Я мог бы по утрам подвозить тебя до работы.

Даже не знаю, почему я так сопротивляюсь переезду. Может, дело в том, что с этой беременностью я вдруг снова почувствовала себя юной и беспомощной? Тогда и папа был еще жив, и они с мамой здорово мне помогали, ведь от Славки помощи ждать не приходилось. Однако теперь все иначе, и Андрей прямо-таки горит желанием подставить свое сильное плечо, так почему же я не готова к переменам? Не обижаю ли я Андрея тем, что тяну резину?

– Слушай, – сказала я, – давай так: я перееду, но не в коттедж, а в твою квартиру на Лиговке. Оттуда не так далеко до больницы, и ты будешь меня возить, когда сумеешь, а в остальное время я спокойно доберусь наземным транспортом...

– Об этом не может быть и речи! – запротестовал Андрей. – Только на машине: тебе необходимо соблюдать осторожность.

– С тех пор, как я забеременела, все, включая собственного сына, обращаются со мной словно с хрустальной вазой!

Мой голос звучал обиженно, но в глубине души я не могла себе не признать, что лукавлю: уже давненько обо мне так не заботились, и это чертовски приятно.

– Мы все желаем тебе добра, – ответил между тем Андрей на мою лицемерную реплику. – Мы просто хотим, чтобы тебе было комфортно и ты родила здорового ребенка.

Я бросила на него быстрый взгляд. Что, если моя проблема как раз в этом? Может, я не уверена в том, что, окажись ребенок от Олега, Андрей полюбит его? Сейчас он говорит правильные вещи, но на то есть сразу несколько причин. Во-первых, он медик и сказал бы то же самое любой женщине в моем положении. Затем, он любит меня – в этом-то я не сомневаюсь. И наконец, в-третьих: пока что нет никакой уверенности в том, кто на самом деле отец. Когда все станет окончательно ясно, не пожалеет ли Андрей о том, что примчался за мной, чтобы забрать домой?

– Как дела в ОМР? – спросила я, чтобы перевести разговор на более безопасную тему. Я давненько не виделась с коллегами, и мне хотелось знать, как они поживают. В моем «интересном» положении Андрей счел за лучшее отстранить меня от расследований, и я, признаться, скучала по тому адреналину, который получала, ввязываясь в очередное дело.

– Все путем, – уклончиво ответил Андрей, не желая обсуждать со мной проблемы Отдела. – Работаем.

– А поподробнее? Над чем конкретно вы работаете?

– Ну, у Кадреску пара дел, связанных с недобросовестными отчетами по вскрытиям. Никита занят сбором сведений по взяткам в Комитете – уже пятое обращение за прошедшие месяцы: надо проверить.

– И все? – не поверила я.

– Да.

Я видела, что Андрей врет, а потому почувствовала себя заинтригованной.

– Есть... одно дельце, – нехотя сказал он, поняв, что я не отстану. – К нам обратилась некая гражданка Цепко с просьбой найти ее беременную дочь...

– погоди, – перебила я, – может, я чего-то недопонимаю, но разве мы теперь и розыском пропавших занимаемся?

– Тут случай особенный. Во-первых, Цепко обращалась в соответствующие органы, но там ее подняли на смех.

– Какая неожиданность!

– Дочь ее, Татьяна, жила с ней. Мужа у нее не было, от кого «залетела», матери не сказала. Тетка что-то темнит, но мне кажется, они частенько скандалили, иначе с чего бы девице сбегать из дому?

– А почему – сбегать? Может, ее похитили? Или, не дай бог, машина сбила...

Я поежилась, вспоминая несчастную роженицу в нашей реанимации.

– Она ушла по собственной воле: вещи с собой забрала, понимаешь? Это и послужило поводом для отказа в поиске Татьяны: в полиции сказали, что она, дескать, совершеннолетняя, а значит, имеет полное право сама решать, где рожать и растить ребенка.

– Неужели ты согласился взяться за это? – удивилась я.

– Не мог же я просто отослать Цепко, как это сделали в полиции? – пожал плечами Андрей. – Кто-то ведь должен помочь?

– Но у ОМР нет опыта в таких делах! – возразила я. – Как ты собираешься разыскивать эту девицу? Может, они с отцом ребенка сейчас тихо-мирно ожидают его рождения?

– Тут существует одно «но»: мать сказала, что Татьяна не состояла на учете в женской консультации по месту жительства, а ведь она, судя по подсчетам матери, уже на восьмом месяце беременности!

– Может, в другую перевелась – ту, что ближе к новому месту жительства? Иначе как она намеревалась устраиваться в роддом?

– Ну, сама понимаешь, больших проблем с этим у нее бы не возникло: вон, жены гастарбайтеров вызывают «Скорую», когда подходит время, и, несмотря на отсутствие страховки, их вынуждены принимать – не имеют права не оказать помощь!

– И все-таки... УЗИ, гинеколог – вдруг с ребенком что-то не в порядке? Разве можно все пускать на самотек? Сколько лет этой Татьяне – двадцать-то есть?

– Тридцать четыре.

– Тридцать четыре?! – выкатил я глаза. – В таком возрасте дети обычно планируются: неужели женщина может быть столько безответственной?

– Ты права, – согласился Андрей. – Выглядит странновато! Особенно принимая во внимание тот факт, что это ее первый ребенок.

– Во дает! – развела я руками. – Может, она, как наши предки, вознамерилась рожать в чистом поле... А мамаша, случайно, не оставила тебе списочка знакомых дочери?

– Она никого не знает! – развел руками Андрей. – Великовозрастная девица живет с матерью, но та абсолютно не в курсе ее личной жизни – парадокс! Татьяна не общалась с подругами, не ходила в гости и не встречалась с мужчинами.

– От святого духа, что ли, забеременела? – хмыкнула я.

– Ясно, что нет, но мать не знает, кто тот мужик. И еще она почему-то уверена, что Татьяна не к нему ушла: у нее создалось впечатление, что связь была краткосрочной и ничем не закончилась.

– Плохо, что она не встала на учет к гинекологу, – тогда бы мы скоренько ее нашли...

– Э-э, погоди-ка, Агния: что значит – «мы»? Ты никого не ищешь, это – моя головная боль, ясно?

– Кристально! Между прочим, ты когда в последний раз с Карпухиным разговаривал?

– Да бог с тобой, у него и у самого дел по горло! Кроме того, в полиции Цепко уже однажды послали, так что Артем вряд ли скажет что-то, отличное от их мнения.

– Но ты ведь не знаешь, что за дело он сейчас ведет! – возразила я. – Оно тоже связано с беременными женщинами, представляешь? Одна сейчас лежит в реанимации моей больницы, а вторая, к сожалению, погибла.

– А та, что в больнице, как там оказалась?

– Под машину попала. Странная история какая-то: судя по всему, она ночью, в страшную грозу, шлялась по лесу и выскочила на шоссе akurat перед автомобилем. Ребенка потеряла.

Андрей присел на краешек дивана, и я подтянула ноги под себя, освобождая ему побольше места.

– Думаешь, стоит поговорить с Артемом? – спросил он после короткого раздумья.

– Чем черт не шутит? Это ничего не гарантирует, но ты сам виноват: кто тебя просил связываться – не твоя же вотчина! То, что Татьяна беременна, не делает ее автоматически нашим клиентом, ведь она даже не числится...

И тут я осеклась.

– Агния, что у тебя на уме? – встревожился Андрей. Он слишком хорошо меня знал, чтобы не понять, что я что-то надумала.

– Понимаешь, Татьяна не состояла на учете, но ведь она посещала районную поликлинику, так? По крайней мере, у нее должна быть там карточка.

– К чему ты клонишь?

– Может, хотя бы один раз Татьяна все же была у гинеколога? Или хотя бы у терапевта – просто чтобы выяснить, что с ней не так? Как-то же она поняла, что беременна!

– Тест в супермаркете купила – и дело с концом, – пожал плечами Андрей.

– Но тест – это ведь не наверняка: требуется более точное подтверждение, – возразила я. Андрей помолчал немного.

– В этом что-то есть, – согласился он наконец. – Надо будет послать кого-нибудь в поликлинику.

– Я могла бы... – начала я, но Андрей тут же прервал меня:

– И думать не мочи: твоя задача сейчас – беречь здоровье, а в поликлинику, в конце концов, может и Вика сходить!

Вика – администратор ОМР и компьютерный гений. Девушка она странноватая, но кто, скажите, без странностей в наше время? Зато на Вику всегда можно положиться, и она еще ни разу нас не подводила, даже когда ОМР переживал тяжелые времена и едва не лишился руководителя в лице Андрея⁵.

Когда Андрей вышел в туалет, я порылась в его телефоне, полагая, что там должен быть номер Цепко. Я его обнаружила и благополучно переписала в свой сотовый. Я не больна, а всего лишь беременна. Занимаясь расследованиями, я всегда ощущала себя нужной и полезной, и этого-то мне как раз сейчас и не хватает. Пусть Андрей делает, что хочет, а я попытаюсь проверить свою гипотезу!

* * *

Как же приятно снова окунуться в расследование – пусть и нелегально! Ничего – победителей не судят, а если мне удастся выяснить что-то интересное об исчезнувшей женщине, возможно, Андрей не станет ругаться. Подойдя к кабинету терапевта, я увидела привычную ситуацию: все стулья, выстроенные вдоль стен, были заняты представительницами старшего поколения, бдительно следящими за тем, чтобы ни одна мышь не проскочила без очереди.

⁵ Читайте об этом в романах И. Градовой «Забятая клятва Гиппократ» и «Шоковая терапия».

Мужчин было всего двое. Для пожилых людей ожидание в компании себе подобных – не только возможность «с пользой» провести утренние часы, но и пообщаться со сверстниками. Беда в том, что на каждую районную поликлинику с годами приходится все больше и больше народа, а строительство новых учреждений почему-то считается нецелесообразным. В результате рутинный визит к любому врачу затягивается на долгие часы, и это если повезет: чтобы достать талончик к некоторым специалистам, приходится занимать очередь с шести утра.

Я сразу поняла, что, если встану в очередь, не управлюсь и к обеду. Женщины почти одновременно окинули меня оценивающими взорами, предупреждая даже мысль о возможном вторжении в «живую» очередь. Размышляя над тем, как будет воспринята демонстрация «корочек» ОМР, я вдруг услышала:

– Вы, гражданочка, беременная?

Одна из пожилых дам участливо наклонилась вперед.

– Д-да, – пробормотала я.

– Тогда идите без очереди, – сказала она. – А то до вечера просидите!

– Правильно! – согласилась с ней вторая, еще старше. – Так и родить недолго – прямо в очереди!

– А что плохого-то? – вмешался мужчина, которого перспектива пропускать меня вперед, похоже, не прельщала. – Здесь все-таки медицинское учреждение, врачи кругом!

Да уж, представители противоположного пола у нас удивительно чутки и галантны: если женщине нужна помощь, они обязательно посоветуют, к кому обратиться, но даже и не подумают предложить ее сами!

В этот момент из кабинета выкарабкался парнишка на костылях, и женщина у двери кивнула мне:

– Ну, идите же!

Есть все-таки добрые люди на свете, и благодаря им наша страна до сих пор остается на карте, а не провалилась под землю, задущенная беспробудным пьянством и бесконечным хамством.

– Ну?

Брови терапевта недовольно изогнулись при взгляде на меня. Ей было лет двадцать семь, но она уже выглядела недовольной жизнью. Удивляться не приходится: место районного терапевта – не самый завидный кусок хлеба. Мало того, что зарплата оставляет желать лучшего, так еще и побегать приходится: мало кому из врачей удастся накопить на машину, а доставку к пациентам поликлиники не обеспечивают. Однако, по моему мнению, это еще не повод встречать каждого пациента восклицанием, которым обычно понукают выучных животных, поэтому я с удовольствием показала девушке свое удостоверение. С ее лица мгновенно слетело выражение скучающего безразличия.

– Что-то случилось? – спросила она. – Пожаловался кто? Ну конечно, пожаловался: мало мне проблем, так еще и недовольные кляузы строчат!

– Успокойтесь, – прервала я терапевта, – я по другому поводу.

– По какому другому-то? – удивилась она.

– Татьяна Цепко – ваша пациентка?

– Цепко... – пробормотала себе под нос врач. – Да, помню такую. Только она не часто появляется: в последний раз я ее месяца четыре назад видела! С другой стороны, и слава богу. Странная она.

– В каком смысле – странная?

– А что случилось?

– Цепко пропала.

– Надо же, пропала! – развела руками терапевт. – Хотя... Знаете, Цепко приходила, только если ей требовался больничный. Никакими особыми заболеваниями она не страдала и

только в последний раз пришла с жалобами на плохое самочувствие. Сдала анализы, выяснила, что в положении, – и исчезла.

– Вы направили ее к гинекологу?

– Собиралась, только она отказалась.

– В смысле?

– Сказала, что ей надо подумать, и выскочила, как ошпаренная! Я решила, что думать она собирается об аборте, поэтому и не стала интересоваться: каждый сам вправе решать, что делать с собственным телом.

– Вы считаете, что Цепко ребенка не хотела?

– Да кто ж ее знает? – пожала плечами терапевт. – Я не священник, чтобы ее исповедовать... Вообще удивительно, что кто-то польстился на такую, как она!

– Почему?

– Да вы сами-то Цепко видели? Не то чтобы она страшна, как смертный грех, но... Понимаете, в тридцать с лишним лет выглядеть так, словно жизнь уже прожита – по-моему просто позор! Тетка совершенно за собой не следит: волосы патлами, кожа тусклая... Не дай бог до такого докатиться!

Интересная ситуация. Мать не в курсе дел дочери, районный терапевт считает ее не от мира сего – и в довершение всего женщина испаряется, словно джинн!

– Так сделала она аборт? – поинтересовалась врач, видя, что я задумалась. – Все-таки за тридцать уже: коли залетела, надо рожать, даже если беременность незапланированная!

Возможно, я ошиблась на ее счет: не такая уж эта врачиха и безразличная, просто жизнь у нее тяжелая. Может, если бы ей создали более или менее человеческие условия для работы, она получила бы возможность лучше разобраться в том, какие проблемы мучают ее пациентов?

– У меня создалось впечатление, – продолжала между тем моя собеседница, – что Цепко врачам не доверяет.

– С чего вы взяли?

– Когда она заболела гриппом, я выписала ей препараты, но она рецепты даже в руки не взяла, словно они зачумленные или доставлены прямиком из Чернобыля!

– Объяснила, почему?

– Сказала, что никакой «химии» принимать не станет и будет лечиться травами. Я пыталась ей втолковать, что травы не помогут избежать осложнений, но Цепко и слушать не стала!

Выйдя из поликлиники, я присела на скамеечку, подставив лицо осеннему солнцу. Деревья стояли еще зеленые, и не верилось, что совсем скоро листья опадут, задует северный ветер, и начнутся бесконечные дожди, плавно переходящие в затяжную питерскую зиму. Как же я не люблю осень! Кажется, в сериале «Доктор Хаус» прозвучала такая фраза: «Август – это как вечер воскресенья». Перефразируя, ранняя осень – это как прощание с летом перед началом тяжелого периода зимы. Переговорив утром с матерью Татьяны, я взяла у нее телефон одной подруги, которую, после долгих раздумий, она все-таки вспомнила. По всему выходит, что наша «клиентка» и в самом деле весьма странная личность – малообщительная по меньшей мере. Но не может быть, чтобы Татьяна никому не доверяла. Пусть с матерью у нее не лучшие отношения, но с кем-то она просто обязана была поделиться неожиданной радостью – или несчастьем? – в виде беременности!

Галина Ромашина работала завучем в средней школе. Она оказалась невысокой, коренастой женщиной слегка за тридцать, с грязно-рыжими волосами. Иногда, глядя на работников образования, я задаюсь вопросом: этих дам специально подбирают из тех, кто давно позабыл о том, что они являются женщинами? Или считается, что детям неприятно видеть вокруг себя красивых, ухоженных людей, с которых хотелось бы брать пример? Мне кажется, что по окончании школы у большинства выпускников должна вырабатываться стойкая уверенность в том, что они ни за что не станут работать в школе, чтобы не опуститься до уровня тех, кого они в

течение одиннадцати лет наблюдали каждый день! Моя мама проработала в школе сорок пять лет, двадцать из которых была директором, и я ни разу не видела ее ненакрашенной. Она следила и за тем, чтобы ее коллеги также выглядели прилично – пусть скромно, но женственно.

– Мы давно не общались с Таней, – ответила на мой вопрос о ее возможном местонахождении Галина. – Она в последнее время совершенно перестала общаться с внешним миром.

– Думаете, у нее имелись проблемы психологического характера? – поинтересовалась я.

– Может, и так, – пожала плечами моя собеседница. – Но она не сумасшедшая, если вы об этом, просто... Понимаете, мама Тани – женщина властная, с тяжелым характером, и она всю жизнь ее гнобила. Думаю, она боялась, что Таня выскочит замуж и бросит ее одну, а вышло иначе: Таня осталась незамужней, так как все возможные контакты с мужчинами Елена Акимовна пресекала на корню. И вот, после тридцати, мать принялась шпынять Татьяну уже по другому поводу – почему, дескать, она замуж не выходит? Можно подумать, кавалеры за ней толпами ходили!

– А что, никого не было?

– Несколько месяцев назад я заскочила к ней, когда Елены Акимовны не было дома, и Таня показалась мне необычно оживленной. Когда я спросила, в чем дело, она покраснела и сказала, что решила завести ребенка! Я сначала подумала, что она хочет усыновить или сделать ЭКО, но Таня сообщила мне, что беременна.

– И вам не было любопытно, от кого?

– Я спросила, но Таня только сказала, что я его не знаю. Она отказалась говорить, где и как они познакомились, но я так поняла, что Татьяна не планировала замужество – то ли мужик был женат, то ли не хотел жениться.

– Но вы не думаете, что ваша подруга переехала к нему? – уточнила я.

– Да кто ж ее знает! – развела руками женщина. – Странно, конечно, что она уехала: Татьяна всю жизнь прожила под боком у матери, и я просто не представляю, как она решилась наконец оторваться от нее. А почему, скажите, этим делом занялся этот ваш Отдел...

– ...медицинских расследований, – подсказала я.

– Так почему? Если уж на то пошло, почему Елена Акимовна не заявила в полицию?

– Заявила, только они отказались ей помочь.

– И правильно сделали, – кивнула Галина. – Танька в кои то веки решила стать самостоятельной, а мать все никак не может ее отпустить – бабе тридцать пять лет скоро!

– И все же ее поступок непонятен, – возразила я. – Тайком собрала вещи и улизнула, не оставив даже записки! Разве женщине на сносях не приятнее, когда рядом есть человек, способный о ней позаботиться?

– Да Елене Акимовне тот ребенок был вовсе не нужен, понимаете? Мать Татьяны – женщина еще не старая, у нее, в отличие от дочки, полным-полно подруг, и она ни за что не села бы дома с внуком... Она ведь до сих пор работает и не отказалась бы от этого, как пить дать!

– Татьяна даже не намекнула вам, что планирует побег?

– Не-а, – покачала головой Галина. – Но я уверена, у нее все отлично: теперь, когда она вырвалась из-под навязчивой опеки матери, Таня не пропадет!

Однако что-то подсказывало мне, что благополучие этой странной женщины под угрозой. Возможно, я и придумываю проблему на пустом месте – и Олег, и Андрей частенько меня в этом обвиняли, но в большинстве случаев, приходилось признать, предчувствие меня не обманывало.

Стоп! Мать говорила, что у Татьяны почти не было подруг, а как насчет коллег по работе? Где она работала? Я полезла в сумочку за блокнотом, в который записала скудную информацию, полученную от Елены Акимовны.

* * *

– Татьяна? Так она давно уволилась! – сообщила девушка лет двадцати восьми, облаченная в светло-голубую униформу банка «Роскредит» по имени Надежда.

– Давно? – удивилась я.

– Ну, месяца три уж наверняка. Хорошо, что сама догадалась, а то уволили бы ее!

– За что?

– В последнее время Таня ерундой маялась, а не работу делала.

– Что вы имеете в виду?

– Работала спустя рукава, читала какие-то журналы на рабочем месте... У нас ведь график очень плотный, понимаете? Говорят, зарплаты хорошие, но вы попробуйте-ка, найдите кого-нибудь на такую сумасшедшую работу: за весь день, бывает, не присядешь, чаю не попьешь!

– А Татьяна, значит, пренебрегала своими обязанностями? – уточнила я, краем глаза разглядывая помещение, в котором проходила беседа. Для того чтобы получить разрешение поговорить с кассиршами банка, мне пришлось обратиться к менеджеру. К счастью, демонстрация документов ОМР произвела должное впечатление, и я получила милостивое соизволение пройти в «комнату отдыха». Она оказалась крошечным закутком, в котором не было даже стола, а только два неудобных стула и короткий диван, обтянутый кожзамом, – по сравнению с роскошным залом для обслуживания клиентов данное помещение выглядело каморкой для прислуги в богатом особняке.

– Не всегда, – ответила на мой вопрос Надежда. – Раньше Таня была очень добросовестной. Даже, пожалуй, слишком.

– То есть?

– Ну, она не возражала против сверхурочных, работала в выходные – ей не с кем было их проводить. Таня живет с матерью, и, видимо, отношения у них не из лучших. Думаете, с ней случилось что-то плохое?

– Пока не могу сказать, – осторожно ответила я. – Но ее мать волнуется. Вы сказали, она читала журналы. Это были какие-то особенные издания?

– Особенности? Да не знаю... Хотя, пожалуй, не из тех, что поступают в открытую продажу.

– Название не припомните?

– Боюсь, что нет.

– А когда именно в Татьяне произошла перемена?

– Таня всегда была немного странной, но мы привыкли, потому что она никого своими странностями не доставала, – просто одинокая женщина, без мужа, без детей... Год назад я родила дочку. В декрет не уходила, потому что у нас тут это не приветствуется, и работала практически до схваток. У Татьяны был пунтик на этот счет: она очень хотела стать матерью, но у нее не было мужчины. Когда я узнала, что беременна, стала сразу выяснять про всевозможные методы родовспоможения, и мы сошлись с Татьяной именно на этой почве: она вдруг заинтересовалась! Я решила, что у нее наконец кто-то появился. Татьяна, конечно, не Софи Лорен, но она хороший, спокойный человек и вполне заслуживает счастья!

– Вы спросили ее о мужчине?

– Конечно, но она все отшучивалась.

– Что, никаких предположений?

– Да... Работал у нас один парень, но недолго, и мне какое-то время казалось, что Таня к нему равнодушна. Но он вскоре уволился – кажется, переехал. Она не сильно переживала. Таня прочитала все брошюры, которые я приносила из разных роддомов и альтернативных организаций...

– Альтернативных? – насторожилась я.

– Поначалу меня посещала дурацкая мысль о том, что я не хочу рожать как все, – пояснила Надежда. – Начиталась книг и вынесла оттуда, что чем естественнее процесс деторождения, тем лучше впоследствии развивается ребенок. Я думала и о родах в воде, но так рожала одна моя приятельница и отговорила меня. Рассказывала, что, как только начались схватки, все ее ощущения изменились, и ей показалось, что она сидит в кипятке! Короче, рожала, как все нормальные люди – в родильном кресле. Я и про роды в море читала – на Гоа, к примеру, предлагают такую услугу, и про другие «примочки», но в результате муж посоветовал не маяться дурью и найти хороший роддом за умеренную плату. И мы нашли.

– А при чем тут Татьяна Цепко? – недоуменно спросила я.

– Ну, она интересовалась всем... Кстати, я тут вспомнила, что Таня обратила особенное внимание на одну клинику... Точнее, это не совсем клиника, а организация по родовспоможению.

– Что еще за организация?

– Дело в том, что мне-то как раз было не слишком интересно, а вот Таня попросила у меня брошюру, и я ей отдала, потому что сама все равно не собиралась пользоваться.

– Не помните, как называлась эта организация?

– Нет, извините, – сокрушенно пожала плечами девушка.

Выйдя из здания банка, я медленно побрела к автобусной остановке. Интересно получается: Татьяна Цепко, довольно нелюдимая особа, но вполне благополучная, внезапно решает все бросить. Что это – попытка вырваться из-под опеки излишне назойливой матери или полностью изменить жизнь?

* * *

Войдя в квартиру, я поразились странной тишине. Даже Куся с Юбером не выскочили мне навстречу, как обычно, и я заволновалась: и мама, и Дэн уже давно должны быть на месте. В гостиной я обнаружила всех, кого ожидала увидеть, и кое-кого еще, кого не могла ожидать: мама, сынуля и Андрей сидели в креслах, устремив напряженные взгляды в мою сторону. Собаки, лежа на ковре, виновато виляли хвостами, но даже не попытались встать. Неужели Андрей все узнал, пожаловался моим родственникам, и сейчас я, похоже, получу отличную тройную взбучку за то, что занимаюсь расследованием, на которое меня никто не уполномочивал! Однако дела обстояли намного хуже.

– Ты припозднилась, – заметил Андрей и посмотрел на Дэна, который почему-то опустил глаза. – Сам расскажешь матери или это сделать мне?

– А что, собственно, случилось? – испуганно вытаращилась я на домашних. Сам факт того, что Андрей оказался в компании сына и мамы, которая его недолюбливала, уже настолько раживал. То, что все ожидали моего появления с постным выражением на лицах, откровенно пугало.

– Мам, ты присядь, – осторожно начал сынуля.

Я медленно опустилась на стул.

– Не волнуйся, ладно? – продолжил Дэн.

– Не тани!

Несмотря на то, что я дала себе слово не впадать в панику, мой голос повысился на пару тонов.

– Дениса задержали, понимаешь ли...

– Кто задержал? – не поняла я.

– Полиция.

– По... лиция?!

Я сразу же подумала о том, что мой сынок с Денисом вляпались во что-то, связанное с уличными боями, – а я-то, дурочка, считала, что вопрос исчерпан!

– Это не то, что ты думаешь, – словно прочтя мои мысли, тут же сказал Дэн. – Дело в Ольге Сергеевне...

– А при чем тут Ольга Сергеевна?

Чем дальше, тем больше я запутывалась.

– Давай-ка лучше я, – потеряв терпение, прервал бессвязный лепет моего сына Андрей. – Наши «робингуды», то бишь Дэн, Денис и Шурик, решили наказать нехороших людей, нагневших вашу соседку на сорок тысяч. Они выследили этих деятелей и, ворвавшись в квартиру к их очередной жертве, избили парней и отобрали награбленное.

Я едва сдержала одобрительный возглас, но вовремя спохватилась, заметив опасный блеск в прозрачных глазах Андрея.

– И?

– И ушли, отдав потерпевшему деньги. Сорок тысяч, потерянные в результате мошенничества, они вернули Ольге Сергеевне.

– Я должна отругать их за это?

– Боюсь, уже поздно! – рявкнул Андрей. – Дело перешло из разряда семейных в уголовные!

– Но почему?!

– Да потому, что один из парней, которых «детки» решили поучить уму-разуму, убит: Дениса задержали именно по этой причине!

– Как он может быть связан с убийством?! – воскликнула я в панике. – Ведь ты сказал, они только побили их слегка и ушли!

– В *тот* раз – да.

– А что, был и другой?!

– Клянусь, мама, нет! – вмешался Дэн. Его глаза горели возмущением. – Мы не видели Семагина с приятелем с того самого дня! Из квартиры старика мы вышли вместе и отпустили их, ведь вздумай мы обратиться в полицию, нас самих могли бы счесть виноватыми!

– Ну, так оно и вышло в результате, – заметил Андрей.

– А как ты-то об этом узнал?

– Дэн позвонил.

– Он позвонил *тебе*, а не мне?!

– Он не хотел тебя волновать.

– Но почему в участке именно Денис, ведь ты сказал, что все трое участвовали? – спросила я, пытаюсь мыслить логически.

– Потому что Денис утверждает, что действовал один.

– Партизан нашелся!

– Потерпевший дед говорит, что видел троих, но он, естественно, претензий к ним не имеет: еще бы, ведь ребята вернули ему деньги, которые он копил несколько лет! Денис отрицает участие товарищей, убеждая следователя, что пожилой гражданин находился в состоянии стресса, и ему только показалось, что «робингудов» было трое!

– Умно! – саркастично заметила я.

– На самом деле, в этом есть рациональное зерно, – возразил Андрей. – Таким образом Денис ломает теорию о «преступном сговоре», за что, в случае передачи дела в суд сроки гораздо больше.

– Суд?! Сроки? Да о чем ты, черт подери: неужели ты на самом деле веришь, что Дениска мог кого-то убить? Или мой сын... Или Шурик?!

– Не имеет значения, во что верю я, Агния, – отчеканил Андрей. – Главное – во что верит следователь, а он, насколько я понял, считает Дениса главным подозреваемым!

– Как ты узнал об аресте Дениса? – сурово глядя на Дэна, поинтересовалась я.

– Он сам позвонил. Сказал, чтобы мы с Шуркой не вмешивались, потому что будет только хуже. Я хотел пойти к следователю и все рассказать...

– Но я ему запретил, – прервал сына Андрей.

– И что теперь делать? – беспомощно спросила я.

– Найти Денису хорошего адвоката.

У Андрея обширные связи, и я не сомневалась, что среди его знакомых полно квалифицированных юристов, но это меня отнюдь не утешало. Мать Дениски перед смертью поручила его моим заботам, а я, выходит, не справилась?

– Ты не виновата, – как будто услышав, о чем я думаю, сказал Андрей. – Пора уже усвоить, что они – взрослые мужики, способные отвечать за свои поступки. Ты не можешь до пенсии бегать за ними, как наседка, и закрывать собственным телом! Мы ведь уверены, что Денис не виноват, так? Из этого и надо исходить. Адвокат займется делом и докажет непричастность Дениса к убийству.

– А как они добрались до Дениса, ведь ребята не оставили потерпевшему никаких данных? – спросила я.

– Машину Дениса видели соседи, и какая-то бдительная старушенция записала номер, – вздохнул Андрей. – Она также показала, что всего ребят было пятеро, но она не поняла, что за отношения их связывали.

– А тот, второй поделник, – он что говорит?

– Ничего. Он пропал, и полиция пока не может его отыскать.

– Просто чудесно!

Я тщетно пыталась придумать, что бы такое предпринять, чтобы Дениса отпустили.

– Думаю, можно добиться выпуска под подписку, – сказал Андрей. – В конце концов, у следователя нет улик, доказывающих причастность Дениса, – ничего, кроме предыдущей ссоры с мошенниками.

– Как убили того парня? – спросила я.

– Очень плохо, – ответил Андрей. – Плохо для Дениса. Семагина избили, но умер он от удара о какой-то острый предмет – судя по всему, при падении.

– Так это же несчастный случай?

– Следователь так не считает.

– Ты намекаешь на то, что Денис мог намеренно такое сотворить?! – возмутилась я.

– Денис не такой! – вмешался Дэн. – Он никогда не распускает руки просто так...

– Даже если не *просто так*! – прервал Андрей, устало потирая глаза. – В любом случае то, что вы наделали, – большая глупость, и остается молить бога о том, чтобы все закончилось хорошо!

Я посмотрела на Андрея. В последнее время я слишком занята своими проблемами и не замечала, как происходящее отражается на человеке, которого я люблю. А зря, потому что Андрей сильно изменился за прошедший месяц. Он еще больше похудел, под пронзительными голубыми глазами залегли темные круги, морщин стало больше, а ведь он всегда выглядел моложе своих лет! Мало того, что у Андрея тяжелая работа, отнимающая много сил, и того, что ОМР также требует полной отдачи, так еще и мои дети создают ему проблемы! После перенесенной им тяжелой операции прошло не так много времени, и мне следовало бы почаще интересоваться тем, как Андрей себя чувствует.

Он истолковал выражение моего лица неправильно.

– Не переживай, Агния, – сказал он, протягивая руку и сжимая мою ладонь в своих длинных, сухих пальцах. – Мы его вытащим! Если придется, привлечем Карпухина: он знает, что наш паренек не их тех, кто может убить.

Я лишь пожала его руку в ответ: комок подкатил к горлу, и я едва сдерживалась, чтобы не зарыдать. С некоторых пор я стала невероятно сентиментальной и плаксивой, хотя обычно мне такое поведение несвойственно. Разумеется, дело в беременности и гормонах, но я не могу себе позволить распускаться! стыдно. Приходится обманывать Андрея и скрывать, что я, вопреки его запрету, взялась за дело о пропавшей Татьяне Цепко, но у него сейчас голова забита другим – когда еще Андрей сможет заняться девушкой? Мне, конечно, с арестом Дениса тоже сейчас не до нее, но кто-то ведь должен откликнуться?! Господи, и о чем я только думаю, когда Дениске грозит такая беда!

* * *

Как и обещал, Андрей нашел хорошего адвоката, и уже на следующий день тот добился выпуска Дениса под подписку о невыезде. Побеседовав со следователем, он предупредил нас, что Денис является единственным подозреваемым по делу.

– А почему никто не разрабатывает второго парня? – спросила я. – Может, это он грохнул Семагина, потому и скрывается?

– Я с вами полностью согласен, – кивнул адвокат. – Но спорить со следователями бесполезно: они все знают лучше других и обычно не прислушиваются к словам адвокатов!

Арамису Суреновичу Симоняну на вид было чуть за пятьдесят, и он производил хорошее впечатление. Невысокий, приятной полноты, прекрасно одетый мужчина с умными карими глазами и начавшими седеть висками, он, несмотря на странное имя, навевающее воспоминания о любимых в юности романах Дюма, с первых минут разговора заставил меня проникнуться уважением к его профессионализму.

– Я считаю, что вам нельзя сидеть на месте, – продолжил Симонян, видя, что мне больше нечего сказать.

– Что вы советуете?

– Самим отыскать этого Илью Шутова, подельника покойного. Если у вас есть знакомства в полиции, советую их напрячь. Если же нет, я предложил бы нанять частную контору, но они обойдутся в копеечку! С другой стороны, сидеть сложа руки в вашей ситуации смерти подобно.

Я это понимала. Увидев Дениса после нескольких допросов и ночи за решеткой, я удивилась тому, что выглядит он вполне прилично. Казалось, парень нисколько не напуган.

– Скорее всего, Денис еще не до конца осознает опасность ситуации, в которой очутился, – пояснил Симонян, когда я поделилась с ним своим наблюдением. – Он молод и невинен, а потому считает, что все со временем прояснится и его снимут с крючка. Проблема в том, что я за тридцать лет судебной практики насмотрелся на ребят, мотающих по двадцать лет в тюрьме без вины и до сих пор не верящих в то, что они могли так вляпаться!

Слова адвоката о двадцати годах заключения пугали. Андрей не смог нас встретить, так как с утра был занят в своей клинике, я же работала до трех часов. Так что мы с Дэном поехали забирать Дениса на его машине. По дороге я все думала над словами адвоката о том, чтобы нанять частных детективов для поиска подельника Семагина. Сколько это может стоить? У нас денег немного, даже если Дэн отдаст все, что сумел скопить от продажи своих картин. Его папаша, конечно, денег даст, но мне не хотелось к нему обращаться.

Зазвонил телефон, и я услышала в трубке голос Елены Цепко.

– Агния! – буквально кричала женщина. – Танюша звонила!

– В самом деле? – произнесла я, делая над собой усилие, чтобы переключиться с Дениса на нее – вот уж, ничего не скажешь, не вовремя!

– Агния, помогите мне – я не знаю, к кому еще обратиться, потому что только вам, похоже, не все равно!

Произнеся эти слова, Елена Акимовна разрыдалась и долго не могла успокоиться, несмотря на мои увещания.

– Ждите меня, я скоро приеду, – сказала я, поняв, что по телефону с ней не договориться. Отключившись, я обратилась к Денису, на обратном пути сменившему сына за рулем:

– Подбрось меня до улицы Симонова, ладно?

– Не вопрос, – кивнул парень. – А что там?

– Это тебя не касается, – довольно резко ответила я. – Вы двое поедете к нам, и ты, Денис, останешься там: пока вопрос с твоим участием в убийстве не решится, будешь жить в нашей квартире!

Очевидно, голос мой звучал достаточно угрожающе, чтобы ни один из пацанов не посмел возразить. Денис лишь спросил:

– Вещи-то можно из дому забрать?

– Нельзя! – как отрезала я. – У вас с Дэном один размер – как-нибудь обойдетесь!

Пусть Денис будет у меня под присмотром. Вечером, когда придет Андрей, мы подумаем, что делать. А пока что требуется держать парня подальше от неприятностей.

* * *

Дверь распахнулась прямо мне в лицо, едва не отбросив назад, словно Елена Цепко сидела под ней в ожидании.

– Слава богу! – воскликнула она, хватая меня за руку и втаскивая в квартиру. Затем она поспешно захлопнула дверь и почему-то надолго припала к «глазку». Внутри у меня екнуло: что, если у несчастной женщины съехала крыша и ею овладела мания преследования? А мне-то вообще как, не опасно находиться с ней в одном помещении?

Наконец Цепко отошла от двери и поманила меня за собой. Может, следовало выскочить наружу, не заботясь о том, что она подумает, но я все же решила послушать, что скажет Елена Акимовна.

– Не знаю, что делать! – полушепотом произнесла она, упав на потертый диван. – Я уже пробовала заявлять в полицию, но они отказываются принимать заявление, а как по-другому вернуть дочь, когда ей угрожает опасность?!

– Погодите, – сказала я осторожно, – с чего вы взяли, что Татьяна в опасности?

– Да она сама сказала, когда звонила! – воскликнула женщина, сжав ладони в кулаки так сильно, что костяшки пальцев посинели. – Она плакала в трубку и просила забрать ее!

– Откуда забрать?

– Она не успела сказать!

Тут Цепко снова разрыдалась. Я сходила на кухню за водой, отпаивала ее минут десять, и наконец Елена Акимовна сумела взять себя в руки и вновь начала говорить связно:

– Таня смогла только сообщить, что телефон ей дала какая-то добрая душа, и у нее мало времени.

– Откуда она звонила?

– Не знаю я, не знаю! Мы говорили меньше минуты, а потом связь прервалась... Кстати, номер почему-то не высветился.

– Не понимаю! – вздохнула я. – Таня сказала, что ее удерживают насильно?

– Нет.

– Тогда...

– Даже вы не верите!

– Да верю я, верю, просто... Единственное, что вы поняли, так это то, что Таня была расстроена! Может, она поссорилась со своим мужчиной...

– У Тани никогда не было мужчины! – возразила Елена Акимовна.

– Ваша дочь беременна не от святого духа, уж простите, – покачала я головой. – Значит, мужчина был. Что, если совместная жизнь оказалась вовсе не такой, как ожидала Татьяна, и поэтому она решила вам пожаловаться?

– А почему тогда она не смогла закончить разговор? Кто-то вырвал у нее трубку!

– Если дело в домашнем насилии, боюсь, без вмешательства полиции не обойтись.

– Нет, только не полиция! – истерично вскрикнула женщина. – Таня сказала, чтобы я не смела к ним обращаться, потому что тогда...

– Что – тогда?

– Не знаю. Агния, вы просто не знаете мою дочь: она не из тех, кто будет паниковать без причины! Поверьте, ради бога, и поймите, что она определенно в опасности, если решилась позвонить после того, как сбежала из дома!

Ну почему все всегда происходит так некстати? Именно сейчас, когда мне нужно разобратся с проблемами Дениса, когда Андрей также занят этим, когда я беременна и вообще-то должна находиться в покое и умиротворении, другой женщине требуется помощь! Каждый раз, когда сталкиваешься с одной проблемой, куча других не замедлит навалиться, будто желая похоронить тебя под грузом неразрешимых задач.

– Елена Акимовна, – сказала я смущенно, так как мать Татьяны смотрела на меня, как молящаяся на лик Богоматери, – мне удалось кое-что узнать о вашей дочери по месту ее работы. Вы знали, что она уже несколько месяцев как уволилась?

– Уволилась?!

Собственно, этого и следовало ожидать. Я вкратце передала Цепко все, что мне рассказала коллега Татьяны. Елена Акимовна смотрела на меня ошалелым взглядом.

– Господи, а я-то... – пробормотала она, хлопая глазами, как кукла. – Но на что она живет?

– У Тани имелись сбережения?

– Думаю, да, – неуверенно проговорила Елена Акимовна. – Она никогда не шиковала, жила очень экономно... В любом случае она все забрала с собой: я не нашла ни денег, ни драгоценностей. А почему вы спрашиваете?

– Ну, если ваша дочь забрала с собой все свои ценности, это значит, у нее есть какие-то средства.

– Знаете, что я вспомнила? – вдруг спохватилась Цепко. – Как-то не до этого было, но теперь...

– Вы о чем, Елена Акимовна?

– Да вот, никак не могу найти документы на квартиру!

– На вашу квартиру?

– Да. Она приватизирована в равных долях: мы с Таней сделали это в самом начале приватизации.

– Документы пропали?

– Да нет, пропасть они не могли – к нам же никто не приходит, кроме двух соседок! – развела руками Цепко. – Таня, видно, куда-то их переложила. Я бы не хватилась, если бы не тот факт, что они лежали вместе с квитанциями на оплату коммунальных услуг. В этом месяце я сунулась туда, а документов-то и нет!

– Вы искали в других местах?

– Не особенно. Говорю же, не до того было: дочь у меня пропала, так какие, к черту, документы?!

– А вы не видели у Татьяны брошюр для беременных?

– Может, и видела... Пойдемте к ней в комнату, вместе посмотрим, а?

Цепко хваталась за меня как за спасительную соломинку, и не отпустила бы, не получив обещания во всем разобраться. Проблема в том, что я не уверена в своем праве раздавать подобные обещания – вдруг не смогу выполнить?

Комната Татьяны поражала аккуратностью. Создавалось впечатление, что молодая женщина была страшной аккуратисткой. Сбегая, Татьяна оставила все в идеальном порядке. Удивительно, что в комнате у девушки ее возраста не было ничего, могущего идентифицировать ее как личность. На стенах – ни единой фотографии или картинки, на диване – ни одной подушки или мягкой игрушки. Может, дело в том, что Татьяна никогда по-настоящему и не чувствовала себя здесь дома?

На всякий случай я поинтересовалась:

– Вы тут прибирались?

– Я? – удивленно переспросила Елена Акимовна. – Нет, Таня никогда не позволяла мне заходить сюда без ее разрешения!

Удивительны порой отношения родителей с детьми: кажется, родственники по определению должны испытывать друг к другу привязанность, и все же проявления этой привязанности настолько разнятся, что иногда заставляют задуматься о том, что на самом деле представляют собой кровные узы! Дэн никогда не отгораживался от меня и мамы. Даже находясь в переходном возрасте, ему бы и в голову не пришло закрыться в своей комнате или совершать поступки, которые могут огорчить двух безумно любящих его женщин.

– Я только проверила, что она с собой взяла, – добавила Цепко, беспомощно глядя на меня. – Пыталась понять, действительно ли Таня ушла насовсем.

Сейчас она вовсе не казалась строгой мамашей, помыкавшей дочерью, пусть даже из любви. Елена Акимовна выглядела разбитой, лишившейся опоры женщиной, которой больше не для чего жить. Возможно, она и сама не сознавала, что ее властность не позволила дочери повзрослеть и стать хозяйкой собственной жизни. И все же в трудную минуту Татьяна позвонила не кому-нибудь, а матери.

– Можно я посмотрю? – спросила я разрешения хозяйки, кивая на большое трюмо с бесчисленным количеством выдвижных ящиков.

– Конечно, – закивала Елена Акимовна.

Ни в одном из ящиков не оказалось ничего ценного: похоже, Татьяна забрала все, что могло ей понадобиться, – то есть она и в самом деле намеревалась покинуть отчий дом навсегда или, по крайней мере, надолго. Даже белье осталось только самое поношенное. Но вот, в самом нижнем ящике я наткнулась на то, что искала.

– Вы видели это? – спросила я, помахивая перед лицом Цепко стопкой брошюр и журналов.

– Нет, – покачала она головой. – Я не обыскивала комнату... Надеюсь, что Таня одумается и вернется! Она никогда не жила одна, и я полагала, что она, хлебнув жизни вне дома, испугается и прибежит обратно.

Похоже, Татьяна и в самом деле «хлебнула», только вот что-то помешало ей возвратиться. Присев рядом с матерью, я разложила на коленях свою находку. На всех брошюрах и журналах крупными буквами было написано: «Родуница».

– Странное название, – пробормотала Елена Акимовна, разглядывая печатные издания. – Похоже, Таня основательно готовилась к предстоящим родам! И где только она нахваталась этой гадости? – поморщилась Цепко. – Ну почему было просто не пойти в консультацию? Не хотела в обычную, так могла же себе и платную позволить – вон у меня и знакомая гинеколог есть...

– «Естественные роды, – прочитала я вслух краткое описание на обложке брошюры, – это то, что позволит вашему ребенку успешно развиваться. В обычном роддоме к вам отнесутся

формально, а в «Родунице» вас встретит семья, готовая помочь и поддержать». Завлекательно, да?

– Ага, – вздохнула Елена Акимовна. – Только ерунда все это – обычная пропаганда с целью извлечения прибыли!

– «Естественные» роды – популярное направление в наши дни, – заметила я.

– Да если б я только догадывалась, что Таня планирует такую глупость, костями бы легла! – возмущенно воскликнула женщина.

Не сомневаюсь, что так и происходило год от года: мать «ложились костями», устраивала истерику, и дочь вынужденно подчинялась – немудрено, что, принимая одно из самых важных решений в жизни, Татьяна предпочла держать Елену Акимовну в неведении!

– Здесь нет адреса, – пробормотала я, рассматривая брошюру. – Только телефоны.

– Значит, мы ее не найдем?

Голос Елены Акимовны предательски задрожал.

– Погодите расстраиваться, – поспешила успокоить я женщину. – Может, что-то и получится. Кроме того, неизвестно, имеет ли эта макулатура отношение к делу!

* * *

– Ну, вы даете! – развел руками Карпухин, когда я навестила его в рабочем кабинете. Его реакцию на мой рассказ о благородной, но по всем меркам дурацкой эскападе ребят было легко предсказать.

– Я мог ожидать такого от Дениса, – продолжал Карпухин. – Он без царя в голове, но ваш сын, Агния, – это уж не в какие ворота не лезет!

– Ладно вам, Артем Иванович! – отмахнулась я. – Каковы шансы, что этих мошенников поймали бы?

– Да никаких, – кивнул подполковник. – Вернее, поймать-то их, может, и поймали бы, да вряд ли дело дошло бы до суда... А вот в случае с Денисом, скорее всего, дойдет. Хорошо еще, что он догадался сказать, что с ним никого не было!

– Есть свидетели, видевшие всех троих, – заметила я. – Как считаете, скоро на них выйдут?

– Без второго подельника? Могут и не выйти, если Денис будет стоять на своем: его слово против слова парочки пенсионерок во дворе и деда, который со страху вообще мог вообразить черт знает что! Надо бы поговорить с потерпевшим. У него ведь нет причин сажать ваших ребят?

– Наоборот, он им благодарен за возврат денег!

– Значит, уговаривать долго не придется, – подытожил подполковник. – Схожу к нему, так и быть, сегодня же вечером.

– Спасибо, Артем Иванович! – воскликнула я радостно.

– Не благодарите, – проворчал он. – Не за что пока: против трупа-то не попрешь... Даже если получится «отмазать» двух других детишек, Денис все равно остается первым подозреваемым!

Я сникла.

– Ладно, не расстраивайтесь, – заметив это, сказал Карпухин. – Что-нибудь придумается. Постарайтесь держать Дениса подальше от неприятностей, а то с его характером он еще парочку сроков успеет схлопотать, пока мы тут его проблемы решаем!

– А что слышно насчет той девочки в реанимации? – поинтересовалась я. – Кто-нибудь из родственников откликнулся?

– Слава богу, нашлась бабушка. Правда, ситуацию она вряд ли прояснит, но, по крайней мере, потерпевшую опознали! Зовут ее Илона Прокопенко... Агния, я вот тут подумал – услуга за услугу, как говорится?

– Все, что угодно! – с готовностью согласилась я.

– Побеседовали бы вы с бабушкой потерпевшей, а? Мои ребята, похоже, напугали ее до смерти, она просто дар речи потеряла! А вы все-таки врач, да к тому же еще и женщина.

– Договорились, Артем Иванович, – кивнула я. – Кстати, знаете, что интересно? К Андрею обратилась одна женщина с просьбой найти ее пропавшую беременную дочь...

– Это Цепко, что ли? – перебил подполковник. – Мы только утром с ним об этом говорили: он просил посодействовать, чтобы от мамы приняли заявление. К сожалению, у меня в ее отделении полиции знакомых нет, но будем искать.

– А я вот уже, честно говоря, кое-что нарыла.

– Ох, неймется вам, Агния Кирилловна, – затряс большой головой Карпухин. – Я-то думал, вы сейчас только своей беременностью заняты!

– Одно другому не мешает, – парировала я и выложила перед подполковником брошюру и журналы, найденные в комнате Татьяны.

– Это что?

– То, что может помочь в поисках пропавшей. Я, конечно, не уверена, но хоть какая-то зацепка!

Карпухин повертел брошюрку в руках.

– Надо же, – проговорил он с неодобрением. – Ну чем, спрашивается, вас старые добрые роды в госучреждении не устраивают?

– Вы не совсем правы, Артем Иванович, – возразила я. – Ситуация в большинстве роддомов в наше время оставляет желать лучшего – немудрено, что беременные боятся рожать!

– В наше время не боялись! – проворчал подполковник.

– В какое такое «ваше»? Роды – всегда риск, но сейчас это риск вдвойне.

– Почему?

– По нескольким причинам. Во-первых, санитарно-эпидемиологическая ситуация неблагоприятная. Вы знаете, кто в основном сейчас рождает?

– Жены гастарбайтеров?

– Именно! У них нет медицинских полисов, поэтому они не стоят на учете в женской консультации и не сдают необходимые анализы. Известно, что из Узбекистана и Таджикистана, откуда в целом и приезжают женщины, они привозят туберкулез и кучу других заболеваний. Большинство из них едут из деревень и о личной гигиене, как и о регулярных медицинских осмотрах, знают лишь понаслышке. Да и здесь, в Питере, когда в одной съемной квартире живут по двадцать человек, буквально на голове друг у друга, санитарные условия никуда не годятся. Дотягивая до самого момента родов, женщины вызывают «Скорую», которая не имеет права не оказать экстренную помощь.

– Но разве в роддоме сдача анализов не обязательна?

– Обязательна, но результаты получают минимум через день, а до тех пор роженицы определяются в общие палаты с другими, более благополучными будущими мамочками. Таким образом, шансы заразиться велики. Теперь другой аспект – психологический. Я не говорю обо всех роддомах, но не секрет, что отношение к беременным во многих из них очень плохое. Грубость и хамство – лишь малое зло, а вот непрофессионализм... По-настоящему серьезных патологий во время родов немного, и их-то, как правило, удается «вытянуть», так как такими случаями занимаются опытные врачи. Но проблема в том, что многие медики, особенно молодые, выходят из медвузов реально плохо обученными! Они не умеют кесарить и понятия не имеют о возможных патологиях... Это так, вкратце, Артем Иванович, просто чтобы вы понимали, о чем речь.

Подполковник выглядел ошарашенным: он не представлял, что процесс появления ребенка на свет сопряжен с такими проблемами – в отличие от процесса зачатия, который чаще всего приятен.

– А вы-то сами? – спросил он. – Уже надумали, где рожать будете?

– Конечно, – кивнула я. – У меня подруга в отличном роддоме работает – государственном, кстати, но лежать я буду в платной палате. Однако поверьте, *это* того стоит!

– Да я и не сомневаюсь! – замахал руками Карпухин, напуганный моими «страшилками». – Так вы, что же, полагаете, что эта... Татьяна решила рожать нетрадиционно и «отбыла», так сказать, в... «Родуницу»? – прочел он вслух название на обложке брошюры. – Никого ни о чем не предупредив?

– К этому у нее имелись основания, – объяснила я. – Отношения с матерью были, мягко говоря, не фонтан, и девица, возможно, сочла за лучшее тихо улизнуть во избежание скандала. Тем более что мать, по ее же собственному утверждению, ни за что не одобрила бы решения дочери!

– А может, проблема высосана из пальца? – с надеждой предположил подполковник. – Татьяна родит себе благополучно и вернется... Или не вернется, а останется с... Кто папаша будущего отпрыска?

– Неизвестно. Но я не сказала вам самого главного, Артем Иванович, – добавила я. – Татьяна Цепко звонила матери и умоляла забрать ее!

– Откуда?

– Тоже неизвестно: разговор прервался, прежде чем она успела сообщить подробности.

– Номер?

– Мобильный телефон, номер не высветился.

– Чем дальше в лес... – крикнул Карпухин. – Вы звонили в «Родуницу»?

– А как же! Там сидит милая такая девушка-оператор, мы замечательно побеседовали ни о чем.

– Ни о чем?

– Никаких конкретных сведений я не получила. Пришлось сказать, что я наткнулась на информацию о «Родунице» в женской консультации – кстати, именно там ее первоначально добыла коллега Татьяны.

– Зная вас, Агния, я так понимаю, вы не собираетесь на этом останавливаться?

Подполковник наградил меня испытующим взглядом, от которого мне стало неудобно, и я ничего не ответила.

– А Андрей в курсе ваших... изысканий? – снова поинтересовался Карпухин.

– Пока нет, – вздохнула я. – Но мне придется ему рассказать, ведь я обманом заполучила телефон Цепко и навестила ее, не поставив Андрея в известность!

– Сделайте это поскорее, – проворчал подполковник. – Я, конечно, вас не выдам, но...

Он не закончил фразу, но этого и не требовалось. По крайней мере, в отношении Дениса он меня немного успокоил.

* * *

Бабушка потерпевшей Илоны Прокопенко, вопреки ожиданиям, оказалась еще молодой женщиной.

– Вы из полиции? – испуганно тараща на меня водянистые глаза, спросила она. Я представилась, но Прокопенко, похоже, ничего не поняла. Повторно объяснив, чем занимаюсь, я перешла непосредственно к вопросу, составленному Карпухиным.

– Скажите, как получилось, что Илона оказалась ночью на шоссе так далеко от дома?

– Она давно не жила дома, – опустив глаза, тихо ответила бабушка. – Я говорила следователю, когда он меня допрашивал.

Карпухин упоминал об этом, но больше ничего из родственницы потерпевшей вытянуть не удалось: она утверждала, что ничего не знает о том, что происходило с ее внучкой в последние четыре месяца. Я решила подъехать с другой стороны.

– Скажите, Анна Семеновна, у вас есть другие внуки?

– Да, – кивнула она удивленно. – Трое.

– Трое?!

– Они не живут со мной. Мою дочь лишили родительских прав, когда Илоне было десять. Ее местожительство определили со мной, а остальных... В общем, суд решил, что мои условия жизни не позволяют содержать четверых, и поместили внуков в детский дом. Так оно и к лучшему: Алька, дочка-то моя, оторва была – что она смогла бы дать детям?

– А почему «была»?

– Так померла она через год после суда по лишению прав!

– От чего?

– От передозировки.

– Значит, Илону вы вырастили одна? – уточнила я.

– Ну, как смогла, – развела руками собеседница. – Не жировали мы. Я уборщицей работаю, да еще в школьном гардеробе, но Илонка всегда была одета-обута... Может, конечно, и не так, как ей того хотелось, но голой-босой не ходила. А потом вдруг «залетела» – как ее мамаша, в восемнадцать лет. Правильно говорят, что яблоко от яблоньки...

– В восемнадцать – не в пятнадцать, – резонно заметила я.

– Еще не хватало! – замахала руками Прокопенко. – Я ее старалась в узде держать, хотя это и нелегко было, уж поверьте: мамкин характер из Илонки так и пер, начиная с двенадцати лет – сладу с ней не было в школе, но меня, слава богу, вроде слушалась. Поэтому я так удивилась, когда она внезапно сбежала.

– Илона тоже сбежала?

– Почему – тоже?

– Н-нет, простите, – пробормотала я. – Продолжайте.

– А что тут продолжать? – пожала плечами Прокопенко. Она не выглядела сломленной горем – скорее, смилившейся. В общем-то, оно и понятно: жизнь женщину не баловала, и то, что случилось с одной из ее внучек, лишь еще один удар из многих, которые она уже перенесла.

– А что с ребеночком? – поинтересовалась она вдруг.

– Вам не сказали? К сожалению, стоял выбор между жизнью матери и младенца. Обычно такие вопросы решаются в пользу матери.

– Понятно, – вздохнула Прокопенко. – Может, и хорошо? Илонка и сама-то на ногах твердо не стоит...

– Она работала или училась?

– На какие шиши учиться-то – сейчас же все за деньги! – передернула плечами моя собеседница. – Работала... На рынке торговала. А в других местах долго не держалась.

– Почему?

– Да потому что работать надо от зари до зари, а платят гроши! Илона хотела выбраться из нищеты, в которой мы живем, покоя ей это не давало. Все спрашивала меня: «Ба, ну почему одним все, а другим – ничего, как нам?»

Прокопенко ненадолго замолчала, и я не мешала ей размышлять. За последние двадцать лет в обществе произошли необратимые изменения, приведшие к колоссальному расслоению. Как, скажите, должна реагировать молодая девчонка на бесчисленные телерепортажи о жизни «звезд», об их невероятном достатке, идиотских в своей дороговизне покупках и вечеринках?

– Вы в курсе, кто был отцом ребенка? – спросила я, так как Прокопенко не возобновляла прерванный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.